

Андрей Троцкий

АМЕРИКАНСКИЙ

БРАТ

Майор Девяткин

Андрей Троицкий
Американский брат

«Андрей Троицкий»

2015

Троицкий А. Б.

Американский брат / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий»,
2015 — (Майор Девяткин)

Вот уже восемь лет американский бизнесмен Томас работает советником в одном из частных московских банков. Со стороны он выглядит успешным человеком. Деньги текут рекой, Томас вращается в обществе богемной публики, эстрадных звезд, королей банковского мира. На самом деле, не все так хорошо. Семейная жизнь по существу разбита: жена ведет в Майами свободный образ жизни, две дочери выросли и стали забывать отца. Но главное, – Томас завяз в сомнительных и опасных денежных операциях, и выбраться из криминального водоворота с каждым днем все трудней. Пора думать не о деньгах, а о спасении жизни. Хорошо, что рядом младший брат Джон, человек серьезный, на которого можно положиться в трудную минуту. Он обязательно поможет... Если это вообще возможно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Троицкий

Американский брат

Глава 1

Субботный день выдался холодным и ясным, Джон стоял возле окна, с высоты двенадцатого этажа смотрел на мокрые московские крыши, желтые деревья внизу. Он поискал глазами машину брата и не нашел, – Томас обещал приехать к часу, но опаздывал. Он не напоминал о своем существовании целый месяц, а сегодня вдруг позвонил, сказал, что заглянет ненадолго, привезет давно обещанный подарок – альбом с репродукциями немецких художников авангардистов. Сегодня у Джона были кое-какие дела, но не слишком важные, которые могут подождать, и он ответил, – приезжай.

Том явился с подругой красавицей Ингой Рощиной и неким Артемом Пастернаком, стареющим плейбоем, называвшим себя писателем и журналистом. Это был человек среднего роста и возраста, одевался как богемный художник, в джинсы и бархатный пиджак. Было заметно, что компания уже побывала в каком-то заведении, где спиртные напитки подают к завтраку. Пастернак принес в бумажной сумке пару бутылок "шардоне" и пакет с бутербродами.

Выпили вина, немного поболтали о пустяках. Том сказал, что прямо сейчас они всей компанией отправляются в город Владимир, – внизу ждет машина с водителем. Доберутся до места вечером, гостиница заказана. В воскресенье – культурная программа: осмотр памятников культуры, а в понедельник кое-какие дела, не слишком обременительные, – встреча с местным денежным мешком. Да, еще не все богатые люди переехали на жительство в Вену и Цюрих, иногда миллионеры живут в русской провинции.

– Мне нравятся небольшие русские города, – говорил Том. – Почти восемь лет работаю в России, и до сих пор восторгаюсь этими заповедниками патриархальной жизни. Вот там народные корни. У меня много фотографий русской провинции...

Будучи навеселе он всегда оживленно жестикулировал, рассказывал сбивчиво, перескакивал с одного на другое, возвращался к прежней теме и все начинал заново. Выглядел он уставшим, кажется, его мысли были где-то очень далеко, а восторги русской провинцией, – всего лишь пустая болтовня. Наверное, Тому хотелось выспаться, а не тащиться в машине две с лишним сотни верст. Странно и то, что он берет с собой в деловую поездку не только любовницу, но и Пастернака, человека с сомнительной, даже скандальной репутацией, способного находить неприятности там, где их нет и быть не может. Говорят, будто он профессиональный склочник, не вылезавший из судов из-за своих ядовитых газетных статей, а литератор, – более чем посредственный.

Джон слушал брата и поглядывал на Игню. Развалившись на диване, она листала каталог последней выставки модного московского художника, давая возможность Джону наслаждаться красотой ее длинных ног и точеных коленей. Около года назад брат познакомился с Ингой в одной богемной компании, где всегда было много красивых женщин, их роман развивался стремительно, как степной пожар. Тогда можно было предположить, что страсть окажется скоротечной, большое чувство сгорит, выродится в доверительные отношения, что-то вроде дружбы. Но это не случилось. Кажется, брат до сих пор любит эту женщину так страстно, будто их связь началась вчера, кажется, Инга отвечает взаимностью. Да, странные отношения, и странная женщина эта Инга, – вся напоказ и одновременно – вся в себе, одинокая и замкнутая, словно устрица в раковине.

Пастернак болтался по квартире, переходя из комнаты в комнату, разглядывал развешанные на стенах африканские маски. Он цокал языком и повторял, что иностранцы в России живут как короли. Квартиры в центре города с двумя ванными и двумя спальнями – и это для одного человека. И в придачу – чудный вид из окна и подземный гараж. И все это за счет работодателя. Господи, с ума можно сойти... Пастернак всегда был щедр на похвалу, но обязательно добавлял, что сам живет гораздо лучше: у него шикарная квартира в сталинском доме с видом на реку и "Мерседес" последней модели. Эти внешние атрибуты жизни, – квартира и "Мерседес", – оставались для него главными признаками успешного состоявшегося человека.

Пастернак долго копался в сумке, наконец вытащил помятую брошюру в бумажной обложке и вручил ее Джону.

– Мои мысли о сегодняшнем мире. Говорят, – гениально. Почитай.

Название – "На изломе сознания: публицистика".

– Кстати, ты не родственник тому Пастернаку? – спросил Джон. – Ну, который "Доктор Живаго"?

– Врать не хочу, а правду не скажу – я скромный человек. Не люблю, когда на меня падает тень гениального предшественника.

Пастернак глотнул вина и еще некоторое время с видом знатока разглядывал коллекцию масок:

– Джон, послушай умного человека. Выброси все маски на свалку. Начни собирать живопись. Ну, хотя бы русскую. Десятого века. Она растет в цене со скоростью света. А твои маски – это просто куски дерева. Поделки африканских ремесленников, не представляющие художественной ценности.

– Маски – это не капиталовложение, – сказал Джон. – Это для души.

Том добавил, что люди с деньгами часто начинают собирать живопись, надеясь, что это занятие удовлетворяет их эстетические амбиции и оправдывает вложения, со временем даже прибыль принесет. А потом выясняется, что вся эта мазня ничего не стоит, а так называемые жемчужины коллекции, гордость собирателя, – три-четыре старинные вещи, написанные известными мастерами, – всего лишь современные подделки, к тому же весьма грубые. Пастернак стал горячо возражать, ему бы только начать спор, а тема значения не имеет...

Но разговор оборвался на середине, Том посмотрел на часы и сказал, что давно пора ехать. Все заспешили, наскоро попрощались, через пару минут Джон остался один. Он полистал альбом, который принес брат, но не смог сосредоточиться, на душе без всякой причины было мутно и тревожно. Почему-то казалась, что эта поездка в компании Пастернака обязательно закончится скандалом или чем похуже.

На следующее утро в воскресенье, позвонил Олег Моисеев, начальник юридического управления банка, и сказал, что случилась небольшая неприятность. Накануне Томас с Ингой приехали во Владимир, вечером засиделись в ресторане, а когда выходили, повздорили с какими-то местными парнями, пьяными хулиганами. У Тома всего пару синяков, один из хулиганов тоже почти не пострадал, – всего несколько синяков. А вот второй парень, некий Дзыга, – получил травмы средней тяжести. Он сейчас в больнице, но жизни ничего не угрожает. Тома задержала полиция, сейчас разбираются, что и как. Беспокоиться пока не о чем, Моисеев сам сегодня же выедет на место, поговорит с полицейскими и постарается как-то замять это дело.

Джон выругался про себя, а вслух сказал:

– Так и знал, что Пастернак напьется и...

– Пастернака с ними не было. Он почувствовал себя плохо еще в Москве. Попросил высадить его из машины где-то на набережной. И пешком поперся домой.

– Я бы хотел поехать...

– К брату тебя не пустят и разговаривать с тобой не станут, – сказал Моисеев. – Ты только все испортишь. Сиди и жди, я все сделаю сам.

* * *

В понедельник, едва Джон успел войти в служебный кабинет и повесить пальто, как позвонила секретарь хозяина банка Юрия Львова и попросила немедленно зайти. Львов поднялся из-за стола, усадил Джона в кожаное кресло, сам развалился на диване и положил ноги на журнальный столик. В кабинете по стенам и углам висело несколько старинных икон, пахло воском и ладаном, словно в церкви.

Босс крупный мужчина лет сорока пяти, всегда следил за своей внешностью, носил модные часы, старался одеваться в дорогие итальянские костюмы, но оставался неряхой. На лацканах пиджаков и галстуках красовались пятна, а рубашки были мятыми и не всегда свежими. Всем посетителям босс предлагал выпить, время возлияния значения не имело, – утро, день, вечер, ночь, – какая разница. Но сегодня он забыл о выпивке.

– Я не знал, что твой брат задира, – сказал Львов. – Подумать только – устроил драку в ресторане. Помыл какого-то гражданина по фамилии Дзыга. И второму парню досталось... Я долго работал с Томом и никогда не замечал в нем склонности к жестокому насилию.

Львов шутил, но Джон был в том состоянии, когда шуток не понимают.

– Он не драчун. Хотя когда-то в молодости занимался боксом.

– Я шучу, старик, – сказал Львов. – Разумеется, Томас был прав. Он защищал женщину от пьяного подонка. На его месте и я бы так поступил. А этот Дзыга просто напился до столбняка, его потянуло на приключение, которое закончилось в больнице. И по делом... Жаль, что суд оставил Тома под стражей. Господи, куда подевались правда и справедливость...

В руке Львов держал платок, который прикладывал к глазам, промокая выступившие слезы. Он страдал сезонной аллергией, когда помимо воли слезы появлялись на глазах, катились по щекам, – и сейчас переживал период обострения. В такие минуты босса хотелось утешить.

– Но эти провинциальные суды нормального человека сведут с ума, – вздохнул Львов. – У них свои особые представления о законе. Если украл миллион, тебя оставят под домашним арестом. Но если совершил преступление против личности, – поставил синяк какому-то пьяному хаму, – будешь дожидаться суда в тюрьме. Да, таковы местные порядки. Случись это в Москве, мы бы вытащили Тома за полчаса.

– Да, я понимаю. В провинции все иначе.

– Наш штатный адвокат Моисеев – специалист по уголовному праву. Так что, тебе в этом отношении повезло. Но если он тебя не устраивает, я найду другого человека.

– По-моему, он свое дело знает, – сказал Джон.

Львов пошевелил ногами, задел мыском ботинка фотографию женщины в блестящей рамке. Он дотянулся до фотографии и небрежно сунул ее под столешницу, с глаз долой. Поговаривали, что брак Львова с молодой и привлекательной женщиной находился на грани распада, последние три месяца супруга банкира жила за границей. Вслух босс не обсуждал эту тему, даже с самыми близкими людям. Львов имел прекрасную репутацию, был человеком деловым и практичным, но внешне казался сентиментальным, набожным и несколько старомодным.

– Я сказал Моисееву, чтобы он сделал все, что можно. И чего нельзя. Только представь каково Тому, умному, образованному человеку, иностранному гражданину, в камере с бандитами. Они там на нарах спят в две смены, потому что места на шконках всем не хватает. В камеру на пятнадцать человек набивают тридцать. Дважды в день обыски – утром и вечером, табачный дым висит, как туман. В камерах разрешено курить, поэтому дышать нечем. И медицины – никакой.

– Это ужасно, – кивнул Джон.

– Я созвонился с одним большим человеком из города Владимира, очень большим. Он сказал, что ситуация простая и ясная. Этот мой знакомый попросит следователя, чтобы не тянул резину. Быстро закончил с писаниной и передавал дело в суд. А суд назначит Томасу штраф. Не думаю, что очень большой. В любом случае банк возьмет на себя все расходы. Ну, ты только не волнуйся раньше времени. В конце концов, человек, не посидевший в тюрьме, – это человек не совсем полноценный. Томас выйдет просветленным и мудрым. Его потянет к Богу. Вот увидишь.

– Думаю вот о чем. Может быть, Томасу надо заявить о том, что он американский гражданин? В этом случае он мог бы рассчитывать на помощь посольства.

– Ну, если мы хотим все испортить, – давай так и сделаем. Заявим, что Томас – американец. Ты думаешь, что отношение следователя или судьи изменится в лучшую сторону? Наоборот. Открой любую сегодняшнюю газету, ты там найдешь три-четыре статьи про Америку. И там твою страну кроют чуть ли не матом и поливают помоями. В каждой заметке сказано – американцы наши злейшие враги. Только о том и мечтают, чтобы завоевать Россию, население утопить в крови, а недра разворовать. И читатели в эту белиберду верят. Включи телевизор – там услышишь те же самые слова – американцы враги. Следователь и судья в отличие от тебя газеты читают. Не только читают, но и верят им. Скажи, ты хочешь погубить Тома?

– Но помощь посольства... Она будет не лишней.

– Какая помощь? На суд пришлют какого-нибудь безграмотного олуха, который половины того, о чем пойдет речь, просто не поймет. Потому что не потрудился выучить русский. А другую половину поймет неправильно. Вернется в посольство и напишет бумажку начальнику: так и так, присутствовал на суде. И вся помощь. Пойми: Тома задержали с паспортом на чужое имя. И пропуском в банк, – тоже на чужое имя. По паспорту он родился в столице Эстонии, в Талине, но живет в России и является гражданином России. Правильно?

– Правильно, но...

– Американский гражданин жил и работал под чужим именем, по подложным документам. Когда это выяснят, дело заберут из полиции и передадут ФСБ, так называется бывшее КГБ. Потому что иностранцами в этой стране занимается ФСБ, а не полиция. Я бы врагу не пожелал попасть в эту контору. Тома переведут в Лефортовскую тюрьму, где держат особо опасных преступников и шпионов. Том проведет там в ожидании суда год, а то и два. Чекисты захотят повесить на него что-то серьезное. А вдруг он планировал государственный переворот или покушение на политического деятеля? Или диверсию... А иначе зачем жил под чужим именем, почему скрывался? Его замордуют ночными допросами, лишат пищи и сна. И когда он дойдет до точки, когда о его шею и спину сломают несколько дубинок, – Том все подпишет. Все, что ему подсунут.

– Диверсия... Ну уж вы через край хватили.

– Следователь любую глупость выдумает, лишь бы получить на погоны еще одну звездочку. А Томаса привлекут по серьезной статье Уголовного кодекса. И сунут пять или семь лет лагерей. И срок он будет отбывать за три тысячи километров от Москвы. В лагере, где сидят иностранные граждане. Погода там гнилая: дожди, снег и холод, даже летом. Может быть, десять солнечных дней в году. Контингент – всякий криминальный сброд. Торговцы наркотой из Африки, убийцы, насильники... И отношение к этим иностранцам ничем не лучше, чем к русским заключенным: побои, унижение, голод и кое-что пострашнее... Тебе все ясно?

Джон кивнул, на самом деле Львов прав. Если начнут выяснять, почему два брата, граждане Америки, живут в Москве под чужими именами, – могут возникнуть серьезные неприятности. Проверят всех московских знакомых, женщин. С кем общался, с кем делил постель... Придется ответить на сотни неудобных вопросов, которые касаются работы, личную жизнь вывернут наизнанку и выставят на показ.

Полиция ничего криминального не найдет, но история со скандальным душком обязательно попадет на телевидение и в желтые газеты. "Бизнесмен из США жил по подложному паспорту" – хороший заголовок. По возвращении назад в Америку, брату будет непросто найти хорошую работу. В серьезный банк или трастовый фонд Тома на порог не пустят. Брат наверняка сможет устроиться в каком-нибудь захолустье, бухгалтером, – и это не самый плохой вариант. А Джон наймется охранником в магазин верхней одежды или зоопарк.

– Пожалуй, вы правы, – сказал Джон. – Пусть брат остается гражданином России эстонского происхождения Отто Сеппом.

– Вот и ладно, и с Богом, – Львов вытер закипающие на глазах слезы. – Будем ждать хороших новостей. А если возникнут претензии к Моисееву, – звони мне. Я все решу за пять минут. Помни о главном, Джон, – мы не просто коллеги, мы старые друзья. Я много хорошего сделал для твоего брата. И еще сделаю много хорошего. Главное – не терять человеческих отношений, помнить добро и верить в Создателя нашего.

Он поднялся, похлопал Джона по плечу и, уткнувшись в платок, зарыдал. То ли аллергия тому виной, то ли просто расчувствовался после душевного разговора.

Глава 2

Под вечер сотрудника уголовного розыска майора полиции Юрия Девяткина вызвал начальник следственного управления ГУВД Москвы полковник Николай Богатырев. Кабинет был огромный, стены облицованы старомодными панелями под дуб, красная ковровая дорожка ведет прямо от порога к письменному столу – наверное, чтобы посетитель не заблудился. Девяткин сел к приставному столику, положив перед собой папку с бумагами и стал ждать, когда начальник докурит сигарету. Богатырев, – мужчина средних лет с небольшой лысиной и глазами навывкате, был одет в гражданский костюм, вышедший из моды лет десять назад, рубашку в бело-синюю полоску, похожую на матросский тельник, и серый галстук, напоминающий удавку.

– Ты сводку происшествий за последние трое суток читал? – спросил Николай Николаевич.

Девяткин соврал, что читал и стал наблюдать, как Богатырев тянется к графину, наливает воду в стакан и не может справиться с дрожью в руках. Ну, Николай Николаевич всегда выглядел так, будто вчера засиделся с друзьями, веселая вечеринка затянулась до самого утра. А к вечеру похмельные муки достигли той пиковой точки, когда не остается сил работать и вообще жить, глаза на мир не глядят, – хочется влить в себя графин холодной воды, лечь на кожаный диван, что стоит в углу, и умереть на нем.

Девяткин пребывал в хорошем настроении: около восьми назначена встреча с одной интересной женщиной, между прочим, врачом рентгенологом, это приятное знакомство, весьма возможно, перерастет в нечто большее. На всякий случай Девяткин еще накануне навел порядок в своей однокомнатной берлоге, купил вина и пирожных с ванильным кремом. Сейчас он поглядывал то на Богатырева, припавшего к стакану с водой, то на часы: до конца рабочего дня ждать недолго.

Начальник отодвинул стакан и сказал, что третьего дня в Центральном округе Москвы убит банкир и его жена. Все произошло в их квартире. Следов взлома нет, видимо, хозяин знал гостей и сам впустил их. Преступление с корыстным мотивом, пропали деньги и ценности. Кроме того, убийцы завладели ключами от двух сейфов, замурованных в подвале загородного особняка. Там грабители тоже побывали, сейфы пусты, если не считать нескольких мятых коробочек из-под колец и коле.

Хозяин квартиры был человеком старомодным, банкам не доверял, видимо, потому что сам всю жизнь имел дело с деньгами и хорошо усвоил, – надежных банков не существует. Поэтому ценности держал при себе, – и поплатился. Пострадавший профессиональный финансист, совладелец или бывший совладелец Московского резервного коммерческого банка, – на это надо обратить особое внимание. В этом месте Девяткин нахмурился, перестал поглядывать на часы и стал слушать начальника, не пропуская ни единого слова. Он чувствовал волнение и холод в груди.

Видимо, убийцы срубили очень большие деньги, впрочем, это станет ясно позднее. Но дело даже не в деньгах, – преступление совершено с особой жестокостью, цинично. В течение первых трех дней расследование вели оперативники Центрального округа Москвы, но далеко не продвинулись. Поэтому дело, – Богатырев постучал пальцем по тощей папке на столе, – передали в Главное управление внутренних дел Москвы, требуют, чтобы им занимались лучшие оперативники.

Тут еще надо отметить, что пострадавший был человек весьма значительный, со связями и обширными знакомствами, так что, результатами расследования будет интересоваться большое начальство прямо оттуда, – Николай Николаевич поднял кверху глаза. Девяткин подумал, что в жизни все меняется слишком быстро, и люди меняются. Когда-то Богатырев был хоро-

шим сыщиком, не боялся ни ножа, ни бандитской пули, теперь боится услышать по телефону плохое слово от начальства.

Из Министерства внутренних дел уже звонили, спрашивали, кому из оперативников будет передано розыскное дело. Кандидатура восторгов не вызвала, якобы, методы работы Девяткина – сомнительные и вообще... Но тут надо понимать, что Девяткин грязь своими руками разгребает, а не в оранжерее цветочки нюхает, – иногда любые методы хороши, ну, если надо докопаться до правды. Оборвав себя, Богатырев глотнул из стакана, прикурил новую сигарету и сказал, что имя пострадавшего – Пол Лурье, или попросту Павел, он постоянно жил в России, но корни французские. Детей у супругов, слава Богу, не было.

Жена его Ирина, в девичестве Игнатьева, она была моложе супруга на двадцать лет, – говорят очаровательная добрая женщина. К тому же – редкая красавица, но, – Богатырев иногда пытался острить в самых неподходящих ситуациях, – но по фотографиям, сделанным на месте происшествия и в судебном морге, – это определить трудно. Ну, в смысле, была ли она красавицей или так себе, – на любителя. И вообще этой женщине, – это уже кроме шуток, – выпала не самая легкая смерть.

Девяткин был готов услышать это имя, уже понял, о ком речь. И все-таки почувствовал себя так, будто в любительском поединке по боксу, получил тяжелейший удар пол ложечку, а затем в подбородок, – свет померк перед глазами, он тяжело рухнул на настил ринга и не может подняться от боли, дыхание перехватило, а мышцы рук и ног свело судорогой. Он испытал приступ тошноты и, кажется, побледнел, но Богатырев ничего не заметил. Где-то в голове прокрутилось: Ирина Лурье, Ирина... И снова свет померк, и подкатила тошнота.

* * *

Богатырев передал папку, сказал, что в ней – первичные показания свидетелей, протокол судебного вскрытия и прочий почти бесполезный мусор. Теперь расследования придется начинать практически с чистого листа.

Он поднялся с кресла, проводил Девяткина до дверей кабинета, пожал руку и пожелал успехов. Значит, сверху теребят и давят: найди убийц. Девяткин вернулся в свой кабинет и некоторое время сидел за столом, обхватив голову руками и погружившись в невеселые мысли. В дверь постучали, вошел с каким-то вопросом лейтенант Саша Лебедев, чемпион Москвы по классической борьбе в супер тяжелом весе. Сейчас он готовился к очередному турниру, поэтому каждый вечер просил отпустить его пораньше с работы на тренировку.

– Сегодня не отпущу, – сказал Девяткин. – Садись.

– Надоело целый день сидеть, – ответил Лебедев. – Постою.

– Ирку Игнатьеву помнишь? Третьего дня ее убили. Вместе с мужем, в квартире в центре Москвы. В конверте фотографии.

– Господи, – Лебедев сел на стул, вытащил несколько крупных фотографий, сделанных в морге. – Господи... У вас такая любовь была, ну, про такую любовь романы пишут.

– Когда мы с ней расстались, я был уверен: у нее впереди прекрасное счастливое будущее. Иначе и быть не могло... Она была создана для жизни, полной поэзии... Блин, ну, надо же. Вот же суки... Твари...

– Зря вы тогда, погорячились... Ну, года два или три назад. Вы пришли сюда после разговора с ней. И мы на троих раздавили бутылку коньяка. Вы тогда сильно переживали. И я сказал: зря вы. Если есть любовь, тогда надо... Надо как-то ее поддерживать, как огонек на ветру.

– Огонек... Много ты понимаешь. Она красавица, умница... У нее художественное образование, отец – искусствовед, известный на весь мир. А я кто? Обычный мент, который живет в однокомнатной квартире, целыми днями возится с разными подонками. Если буду трудиться в поте лица, дослужусь до подполковника. Вот и все перспективы. Разве такой муж ей нужен?

Мне повезло, что встретил ее, что был с ней близок. Один раз повезло встретить хорошую женщину. А расстались по-глупому. Потом ей подвернулся этот Пол Лурье, банкир. Он-то долго думать не стал: быть или не быть. Увидел ее и сходу сделал предложение, а она согласилась. Мне на зло.

– А начальство знает, что у вас с ней, ну, были отношения?

– Спроси лучше что-нибудь умное. Если бы начальство знало, я бы не получил это дело.

Глава 3

По середине недели чуть свет адвокат Олег Моисеев заехал за Джоном. Юрист был дюжим сорокалетним мужчиной с румяной, будто ошпаренной кипятком физиономией. Он долго мял в своих ручищах ладонь Джона, стараясь выразить соболезнования по поводу происшествия с братом, уговаривал не переживать и не принимать близко к сердцу. Даже снял очки с затемненными стеклами, прятавшие близко посаженные навывкате глаза. Без очков адвокат был похож на вареного рака.

Путь от Москвы до Владимира обычно занимал три часа, но в этот раз они потратили четыре с гаком: лил дождь, дороги были забиты автомобилями. За рулем сидел опытный дядька, любивший прокатиться с ветерком, он часто вздыхал и хмурил брови. Адвокат, развалившись на заднем сидении, отгородился от всех газетой. Джон бездумно смотрел в окно на голые осенние рощи и тяжелое низкое небо, на дождь со снегом, голые деревья и темные откосы оврагов. К середине пути Моисеев прочитал почти все газеты, пролистал развлекательные журналы, выпил кофе из термоса и захотел пошевелить языком.

– Неприятности по одной не случаются, – мрачно процедил он. – Историю про Лурье слышал? Человека убили среди бела дня в московской квартире. Сначала разделались с женой и только потом... Господи, какая жестокость. Вчера меня вызывали на Петровку 38 к майору Девяткину. Он проводил первичный опрос свидетелей. Довольно бесцеремонный тип, сволочь. Продержал меня в коридоре три часа. Потом задал три общие вопроса и отпустил. И смотрел на меня сверху вниз. Дал понять: что бы ты мне ни сказал, – все равно не поверю. Если позвонят из полиции или пришлют повестку по поводу Лурье, – без меня никуда не ходи, ни с кем не разговаривай. Иначе наживешь неприятности.

– Что я могу сообщить полиции? Я с Лурье был едва знаком. Изредка мы встречались в коридоре и здоровались. Он и в банке показывался раз в месяц. После его убийства Биркус приказал найти в архиве все записи, на которых есть голос Лурье. И все стереть. Ну, чтобы полицейские нос не совали. Говорят, у него была красивая жена. Жалко человека...

– Да, смерть никого не щадит, – мрачно кивнул Моисеев. – И все-таки глупо... Открыть дверь незнакомым людям. Пустить их в квартиру... Я был на похоронах. Гроб с Лурье в церкви даже не открывали. Так обезображено лицо. А жена... Даже говорить не могу на эту тему. А ведь была редкая красавица...

И снова уткнулся в газету.

К городской больнице подъехали к полудню. Узкая дорога подходила к лечебному корпусу больницы со стороны старого парка, водитель остановил машину перед подъездом. Адвокат заглянул в глаза Джона и сказал:

– Слушай, еще не поздно передумать. Ну, зачем мы пойдем к этому парню? Чего ты хочешь добиться? Давай так: я знаю отличный ресторан. Для начала мы пообедаем, а потом...

– Сначала я хочу увидеть этого Артема Дзыгу. Человека, которого избил мой брат. Все остальное – позже.

– Не человека, а кусок дерьма. Отброс, место которому – на свалке. Разговаривать с ним – впустую терять время.

Моисеев вышел из машины, поднялся на крыльцо, исчез за дверью, быстро вернулся, сказал, что сейчас приема посетителей нет, но он договорился с врачом, – их пустят. Поднялись по лестнице на третий этаж, в коридоре пахло вареной капустой и хлоркой. По обе стороны закрытые двери, в дальнем конце – окно.

В одноместной палате поверх одеяла лежал человек лет тридцати пяти среднего сложения и среднего роста с испитым голубоватым лицом, волосы соломенного цвета всклокочены и стоят дыбом. На правой скуле ссадина, на нижней челюсти кровоподтек. Он был одет в боль-

ничную рубашку с завязками на груди и мятые пижамные штаны, не доходившие до щиколоток. Предплечье правой руки загипсовано. Короткая рубашка задралась, Джон увидел, что живот мужчины замотан бинтами.

Адвокат подошел ближе к кровати, скорбно склонил голову, представился сам и представил Джона, выразил соболезнования по поводу случившегося "недоразумения". Дзыга смотрел на адвоката злыми прищуренными глазами. Потом медленно сел на кровати и обратился к Джону, грозя желтым от табака пальцем.

– Твой брат напал на меня первым. Как зверь бросился. Чуть не прибил к матери. На, посмотри, что он со мной, падаль такая, сделал. Руку сломал в двух местах, три ребра. На мне живого места не осталось. А он, – Дзыга показал на адвоката желтым пальцем, – еще чего-то там вякает... Я не знаю, как живой остался. Меня в больницу в бессознательном состоянии доставили. Врачи сначала думали что у меня... Ну, разрыв этих... Внутренних органов. Думали до утра не дотяну.

– Я вижу, как вам тяжело, – Джон был смущен, он испытывал робость и душевную неловкость перед этим типом, таким жалким, и, кажется, еще не совсем трезвым. – Понимаете ли, мой брат, он хороший человек, но когда выпивает не всегда себя контролирует... Видимо не рассчитал свои силы. Бывает...

– Тогда пусть не пьет совсем, раз не может. А если бы он меня убил? Может быть, я и сейчас, после этих побоев, останусь инвалидом на всю оставшуюся жизнь. Врачи гарантий не дают, что воспряну. Говорят, жизнь твоя на волоске висела. Живу на уколах. А сейчас я здесь один. Ну, в этой вот палате. Потому как близких родственников – никого. Няньку – не дозовешься, ей надо деньги платить. Понимаешь ты? Денег у меня ни гроша... А здоровье подорванное.

– Послушайте, мне очень жаль, – пробормотал Джон. – Я готов помочь. Ну, деньгами.

– Только не мечтай, что мелочью отделаешься. Кинешь медяков как нищему на паперти... И готово дело. Нет уж, дорогой товарищ, со мной такие фокусы – ни-ни.

Джон достал бумажник, вытащил деньги, около шестисот долларов, протянул их Дзыге. Тот схватил, трижды пересчитал, – кажется, глазам не поверил, – и пересчитал в четвертый раз. Он замер, соображая, куда спрятать доллары. Сидел на краю кровати и бешено вращал глазами. Он надеялся получить совсем немного, – на бутылку с закуской, – а тут свалилось целое состояние, – долго не пропьешь. Только где спрятать, чтобы сиделка не нашла. Под подушку, под матрас? Он вытащил из-под кровати войлочный тапок, но бросил его обратно. Снял джинсы, висевшие на спинке стула, спрятал деньги в потертый старушечий кошелек, застегнул клапан и перевел дух. Затем сложил джинсы вчетверо и подложил под подушку. Конечно, место – ненадежное, но лучше него все равно не найти.

Он посмотрел на Джона лунатическими блестящими глазами и пробормотал:

– Только я... Только вы знайте, что меня дешево не купишь. Что не продаюсь. Ты еще вот что... Русских денег у тебя нет, хоть немного? Я не для себя прошу.

Джон снова полез в бумажник и отдал все рубли, что там лежали. Дзыга снова принялся считать и пересчитывать деньги, Джон и Моисеев вышли в темный коридор из палаты, закрыв за собой дверь.

– Я звонил главному врачу еще пару дней назад, – сказал Моисеев. – Попросил, чтобы Дзыгу в отдельную палату перевели. Только ты не суйся со своими деньгами, я сам заплачу, кому надо.

– Я чувствовал себя виноватым. Томас избил этого бедолагу....

– Что было – то было, – сказал Моисеев, когда спускались по лестнице. – Ты напрасно деньгами разбрасываешься. Достаточно одного взгляда чтобы понять: этот Дзыга – профессиональный вымогатель. Знай: от него теперь мало что зависит. Уголовное дело возбуждено не по

факту заявления Дзыги в полицию, а по факту происшествия – драка в общественном месте, порча имущества, нанесение потерпевшему побоев средней тяжести.

– Ну, когда будет суд, он выступит и скажет, что не имеет претензий.

– Ну, вот когда будет суд, тогда и надо с ним разговаривать. А не сейчас. А то он войдет во вкус, станет тебя каждый день доить, как корову. А в полицию напишет заявление, что ты сунул ему взятку, требуешь отказаться от показаний, угрожаешь... Я же тебе сказал: не надо приходить к этому человеку. Ладно... В будущем ничего не делай, пока не посоветуешься со мной. Иначе все испортишь.

Спустились к машине, некоторое время колесили по улицам, пока не нашли городское управление внутренних дел, Моисеев ушел, но не заставил себя ждать. Вернувшись, сказал, что разговаривал со следователем Щукиным, который ведет дело. Он неплохой дядька, но уже немолодой, осторожничают во всем, боится, что на пенсию выпихнут. В свидании с Томом пока отказал, но обещал, что через две недели что-нибудь придумает. Еще сказал, что дело простое, скоро он все оформит и передаст в суд.

Обратно ехали быстрее. На середине дороги позвонил хозяин банка Юрий Львов, спросил как дела, внимательно выслушал и сказал:

– Ты вот что, Джон, – отдохни. Возьми отпуск на неделю, а хочешь – на две. Купи билет и лети в Америку. Выспишься, увидишься с родными. В церковь обязательно сходи. Тебя ведь мама ждет? Вот она обрадуется сыну. А заодно уж поговори с Луис, женой Томаса, объясни ей ситуацию, посоветуйся. Иногда женщины говорят умные вещи. Не часто, это я по себе знаю, – но случается. Я ей звонил, разговаривал. Мне кажется, Луис нервничает.

– Но, может быть, я здесь понадоблюсь...

– Слушай, тебе надо отдохнуть. Это – главное. А если я по тебе сильно соскучусь, то позвоню. Лети с Богом и ни о чем не вздыхай.

– Если Луис захочет приехать?

– Вряд ли. Но если все-таки будет настаивать... Объясни ей, что поздней осенью Москва – не самый уютный город. А на свидание с мужем она может не рассчитывать. И вообще... Лучше подождать.

– Хорошо, – сказал Джон. – Тогда сегодня же закажу билет.

Глава 4

К исходу недели обстоятельства убийства Пола Лурье и его жены Ирины более или менее прояснились. Девяткин собрал в кабинете оперативников своей группы, все по очереди коротко рассказали о результатах работы.

Московская квартира супругов Лурье, – элитном доме, где живут в основном денежные мешки или государственные сановники. Прилегающая территория окружена высоким забором из чугунных прутьев, перебраться через который затруднительно. Во дворе и в подъездах понатыканы камеры наблюдения. Попасть во двор можно единственной дорогой – через ворота, но там в будке круглосуточно сидят два-три дюжих молодца из частной охранной фирмы "Гарант". В центральном пункте наблюдения, который занимает небольшое помещение на первом этаже, двое парней смотрят за мониторами и видят все, что происходит во дворе и подъездах.

За последние пять лет в доме не зарегистрировано серьезных происшествий, если не считать двух-трех эпизодов, когда известный музыкальный продюсер, испытывая приступы гнева, выгонял во двор начинающих эстрадных звезд, с которыми проводил собеседования у себя в квартире. Начинающие певицы были полностью раздеты и пьяны. Ни убийств, ни грабежей, даже краж личного имущества не случилось.

В доме подземный гараж и гостевая стоянка во дворе. На машине можно попасть внутрь через ворота, предъявив специальный пропуск, а без машины, – открыв калитку и дверь подъезда своим ключом. Если попытается войти человек незнакомый, – а охранники работают тут давно, знают в лицо каждого жильца, – его остановят, чтобы задать несколько вопросов. Словом, чужаку проникнуть в подъезд или квартиру и остаться незамеченным, – не так просто.

Оперативники опросили всех охранников, дежуривших тем вечером, просмотрели видеозаписи камер наблюдения. В четыре десять вечера на территорию пропустили белый фордовский фургон, машину оставили на гостевой стоянке. Водитель и пассажир, зашли в подъезд, лифтом поднялись наверх. Они позвонили в квартиру, дверь открыли. В шесть часов пятьдесят минут парни ушли.

Судмедэксперт, проводивший вскрытие, утверждает, что смерть Ирины Лурье наступила в пять тридцать вечера в результате колото-резаных ран в области живота и груди, которые повлекли обширные повреждения внутренних органов, большую потерю крови. Пол Лурье умер около шести вечера в следствие колотой проникающей раны в область сердца. Выводам эксперта можно верить, поскольку трупы обнаружили совсем свежими, всего через пять часов после убийства вернулась прислуга, некая Тамара, работавшая в этой семье последние два года. Это москвичка, сорок пять лет, вдова, бездетная, несудимая, отзывы хорошие. Лурье выделил ей в своей квартире комнату для постоянного проживания, но Тамара ночевала у хозяев всего один-два раза в неделю. Время смерти судебный эксперт определил по температуре тела Лурье и его жены, – плюс-минус десять минут. Нет сомнения: убийцы – водитель и пассажир фургона "форд".

На видеозаписи лица этих людей почти не видны, оба надели бейсбольные кепки, на одном рубаха с длинными рукавами, на другом матерчатая куртка. Кроме того, запись плохого качества, камеры стоят устаревшие, со слабым разрешением. Однако можно сделать вывод, что это люди славянской внешности, от тридцати до сорока лет. Один чуть выше метра восьмидесяти, другой на семь-восемь сантиметров ниже, крепкого сложения. Во время допросов охранников, дежуривших в тот страшный день, один из них, некий Сергей Кротов, путался в показаниях и вообще вел себя подозрительно. Он задержан на трое суток, сейчас находится во внутренней тюрьме Главного управления внутренних дел. Кротову двадцать семь, служил в

армии, сменил множество профессий, в охранной фирме "Гарант" на временной работе, летом там не хватает сотрудников.

– Ну, вы, наверно, набросились на бедного паренька, – Девяткин обвел взглядом собравшихся оперативников. – Испугали его до смерти, вот он и запутался в показаниях. Хорошо. Я сам с ним поговорю, вежливо.

* * *

Когда все разошлись, Девяткин позвонил дежурному в следственный изолятор и приказал привести Кротова в кабинет. Через полчаса Девяткин вместе с лейтенантом Лебедевым прошел через двор и оказался в подвале тюрьмы. Здесь горели люминесцентные лампы, а коридор был разгорожен решетками на отдельные секции. Девяткин предъявил удостоверение контролеру, открыл дверь кабинета и пропустил вперед Сашу Лебедева. На табурете сидел спортивный молодой человек в модной красно-белой куртке и новых джинсах.

– Здравствуй, Сергей, – Девяткин скинул пиджак, повесил его на спинку стула и подвернул рукава рубашки. – Ну, давай знакомиться...

Сергей заволновался, хотел привстать со стула, но не смог. Запястье правой руки было пристегнуто наручниками к стальному кольцу, торчащему посередине столешницы.

Разговор закончился за полночь. Кротов расписался в протоколе левой рукой, потому что запястье правой руки посинело и распухло, похоже, сломана лучевая кость. Он всхлипнул, стараясь скрыть непрошенные слезы, и вытер разбитый нос бумажной салфеткой, но кровь не успокоилась. Куртка, заляпанная бордовыми пятнами, превратилась в грязную тряпку, как и новые джинсы. Лейтенант Лебедев дремал на стуле в темном углу, сегодня работы ему досталось немного, всего минут на двадцать. Девяткин перечитал протокол, задал несколько уточняющих вопросов и сказал:

– Через день-другой тебя отпустят, Сергей. Если кто спросит, – руку повредил случайно. И спину тоже... Поскользнулся и упал на улице. Ты меня понял?

– Да, гражданин начальник. На улице упал.

Девяткин вызвал конвой и приказал отвезти задержанного в камеру. Затем разбудил Лебедева и вслух прочитал протокол допроса свидетеля. Кротов утверждает, что неделю назад в одном заведении, куда он заглянул выпить пива, к нему подсел хорошо одетый мужчина приятной внешности, с сединой на висках и черными усиками, представился Эдиком. Этот человек откуда-то знал, кем работает Кротов, круг его увлечений и некоторые детали личной жизни. Эдик сказал, что Кротов, не ударяя пальцем о палец, может заработать хорошие деньги, скажем, долларов пятьсот.

Суть дела проста: в следующее дежурство Кротова ближе к вечеру к воротам подъедет белый "форд" с черной полоской на капоте. Хозяин квартиры номер семнадцать, некий Лурье, может позвонить на пост, приказать не пускать на территорию эту машину. Слушать его не надо, дело Кротова – нажать кнопку и открыть ворота. Все остальное его не касается. Впрочем, Лурье может и не позвонить, – это дело случая, дело настроения. Но свои деньги Кротов все равно получит, причем половину – прямо сейчас.

Сергей слегка удивился неожиданному предложению, но согласился без раздумий. Во-первых, тот мужчина произвел впечатление человека серьезного, который слов на ветер не бросает. Эдик туманно намекнул, что как-то видел Кротова вместе с невестой, они бродили вдоль набережной в районе Таганки. И напрасно: район там беспокойный, местная шпана может запросто подвалить, прямо среди бела дня, проломить голову молотком и сбросить в речку вместе с невестой. Надо быть осмотрительнее, не гулять, где попало. Эти слова Кротов воспринял как угрозу. Во-вторых, – пятьсот долларов на дороге не валяются.

Когда появилась та самая белая машина, он открыл ворота. По инструкции он должен был позвонить человеку, к которому направляются гости, но этого не сделал. Сам Лурье на пост не звонил.

Девяткин сказал, что завтра надо показать Кротову фотографии из картотеки. Мужчина из кафе – кавказского типа, лет сорока с небольшим, рост выше среднего, нос с горбинкой, кожа – смуглая, на запястье наколка похожая на этикетку известных в прежние времена папирос: холмы, над которыми восходит солнце и внизу слово "север". Наверняка фотография Эдика и все данные на него есть в полицейской картотеке.

Глава 5

В аэропорту Майами Джон взял такси, дорога заняла около часа. Новый дом из стекла и бетона, стоял возле океана. Луис встретила у входа, шагнула вперед и поцеловала в щеку. С распущенными, выгоревшими на солнце волосами, одетая в белый марлевый балахон, подпоясанный тонким красным поясом, – она выглядела помолодевшей лет на десять. Глаза яркие и живые, кожа загорелая, блестящая и тонкая, будто пергамент, разглаженный утюгом.

Недавно она сделала новую подтяжку, и теперь берегла натянутую кожу, стараясь не улыбаться и не хмуриться. Лицо было каким-то застывшим, словно у замороженной рыбы. С расстояния в двадцать шагов Луис казалась юной девушкой, если подойти поближе и приглядеться, впечатление портилось, но лишь слегка. Она скороговоркой задала несколько дежурных вопросов, о муже, московской погоде и самочувствии, но, погруженная в свои мысли, ответы не слушала.

– Ты еще не видел этого дома? – Луис старалась не встречаться с Джоном взглядом, будто испытывала смущение или вину. – Вот как... Что ж, тогда пойдем.

Показывать новый дом не хотелось, но и отказаться нельзя. Куртку, чемодан и спортивную сумку Джон оставил внизу. Поднялись на второй этаж, пробежались по длинному ряду комнат, пустых нежилых, забитых антикварной мебелью. Кажется, нога человека не ступала здесь очень давно, разве что уборщица появлялась раз в неделю, чтобы смахнуть пыль.

В хозяйской спальне возле кровати, на комодах и столиках, попадались фотографии молодожавого стройного мужчины. Кажется, у Тома появился соперник, впрочем, черт его знает, что это за человек, – приставать с вопросами не хотелось. В своих тяжелых ботинках и темном костюме Джон чувствовал себя провинциалом из прошлого века, попавшим на светский раут. В коридоре на стенах – полотна маслом, будто в картинной галерее. Четыре картины висят в холле у лестницы, – это пейзажи городов и природы во фламандском стиле.

Настенные светильники отключены, в дневном естественном цвете, проникающем сквозь стеклянный потолок, полотна кажутся темными, словно густо посыпаны пылью. Остановились, Джон стал разглядывать картины. Это могли быть старые голландцы, например, прямые потомки Питера Брейгеля Старшего. Или, скажем, Отто Дикс, некоторое время работавший в этой манере. Брат искренне считал, что между Диксом и Ван Гогом есть много общего, но Дикс – гениальнее. Впрочем, – картины, разумеется, современные, стилизованные под старину, – брат не мог позволить себе ни старых фламандцев, ни немецкого авангарда двадцатого века. У Тома не было, просто не могло быть таких денег.

– Это подлинники?

– Ты в этом разбираешься? – Луис смотрела удивленно. – Возможно, подлинники. Том привез их из Европы. Я боюсь, как бы с ними не возникли проблемы. И адвокат тоже говорит, что... Если картины стоят кучу денег, могут возникнуть проблемы. Придется объяснить, на какие доходы приобретены эти вещи. Если у налоговой службы появятся вопросы, придется что-то объяснять. Но что? Скажу, что эти картины на пляже нашла?

– А Том что говорит?

– Твой брат, черт бы его побрал, сел в тюрьму. Надеюсь, ему там быстро надоест. Он выйдет и что-то расскажет о своих приобретениях. И вообще... Поинтересуется, как живет его жена и две дочери.

Спустились вниз, сели в большой комнате с мраморными полами, ковром из крокодиловой кожи и огромным камином. Одна стена стеклянная, не поднимаясь с дивана, можно увидеть белый пляж, гребешки волн над изумрудным океаном и облако у горизонта, похожее на заблудившегося барашка. Мексиканская девушка принесла стаканы домашнего лимонада

со льдом. Луис по-прежнему отводила взгляд, смотрела в дальний темный угол и покусывала губу, будто хотела что-то сказать, но не решалась.

– Где дети? – спросил Джон.

– Старшая уже год живет в Аргентине вместе со своим другом. Перл гостит у подруги.

И снова повисло тягостное молчание.

– Том позвонил оттуда. Изредка из тюрьмы разрешают сделать звонок на волю. Всего десять минут. И при разговоре присутствует кто-то из администрации. Том просил передать кое-какие вещи, ничего ценного. Все в чемодане. Разные безделушки, тетрадки с записями... И попросил меня все тебе рассказать. Честно, как было дело.

– Об этой девке, с которой сидел в ресторане, тоже просил рассказать? Мне звонил Львов. Я уже знаю всю эту отвратительную историю. Том приехал во Владимир с какой-то очередной шлюшкой, напился в ресторане. Ввязался в драку. И теперь сидит в грязной кутузке, дожидается суда и надеется на мое сострадание. А мне противно все это слушать, я не хочу знать никаких подробностей.

– Что ж, как хочешь. А что еще сказал Львов?

– Пообещал: пока муж в тюрьме, мне будут переводить деньги, сопоставимые с теми, что он зарабатывал. Львов открыл номерной счет в Европе. Даже если у банка дела пойдут совсем плохо, даже если банк вылетит в трубу... Словом, мне не надо беспокоиться о деньгах. У Львова есть совесть. Он верующий человек. Наверное, с ним хорошо работать?

– Неплохо, – кивнул Джон.

– Ты наверняка рассчитывал здесь пожить. Прости, но не могу пригасить тебя. Вечером соберутся гости. Они не знают, что Том в тюрьме. При тебе люди будут неловко себя чувствовать.

– Я уезжаю через два дня. Сначала навещу мать в доме престарелых. Заеду в наш дом. Затем вернусь в Москву.

Луис смотрела куда-то в угол и покусывала губу.

– Черт побери... Твой брат сам во всем виноват. Он сам все испортил. Всю нашу жизнь. Он думал, что я буду сидеть здесь годами и ждать неизвестно чего. Жизнь идет, муж переехал на жительство в чужую страну. Покажется два раза в год – и все. И еще присылает деньги. Деньгами можно поправить многое, но не все, черт возьми. Да, я купила этот дом и неплохо себя чувствую в Майами... Но что с того? Только не говори, что я могла бы переехать в Москву и жить там вместе с Томом. Я не поехала бы в Россию ни при каких условиях. Он знал об этом с самого начала. И согласился на эту работу, хотя я пыталась его отговорить.

– Да, да. Я знаю...

– Он живет там в Москве с любовницей, занимается какими-то сомнительными делами. А я должна хранить ему девичью верность? – Луис истерически рассмеялась. – Какое право он имеет что-то требовать от меня, когда сам по уши в дерьме. Он в открытую живет с какой-то девкой, а узнаю обо всем от чужих людей. Мне стыдно это слушать...

Джон подумал, что этот сухопарый спортивный мужчина появился в жизни Луис еще до того, как она узнала о неверности мужа, да, гораздо раньше. Эти слова, обидные и злые, Луис приготовила не для него, а для брата. Она прокручивала про себя их будущий разговор, свои упреки, обвинения, но Тома здесь нет, и кому-то надо все это выслушать. Хотелось о многом поговорить с Луис, но теперь говорить не о чем. Еще года три-четыре назад она могла сказать Тому: остановись, всех денег не заработаешь, – и возвращайся. Тех денег, что уже лежат на счете, нам хватит на всю жизнь, даже если будем прикуривать сигареты от сотенных купюр. Но Луис ничего не сказала брату, ей слишком нравились деньги, большие деньги, а потом, когда все зашло слишком далеко, она выдает гневную обвинительную речь, и получается, что страдает она одна, и больше никто, а Том – палач ее счастливой супружеской жизни. И к тому же дурак.

- Знаю, что ты обо мне думаешь, – на ресницах Луис повисли крупные слезинки.
 - Кто он? – Джон кивнул на фото, стоявшее на каминной полке.
 - Ну, какая разница... Он дантист. Недавно начал процедуру развода с женой. Но это долго.
 - Сейчас он на работе, но скоро вернется?
 - Скоро. Теперь ты все знаешь. Умоляю, не говори ничего Тому. Я сама для себя ничего не решила. Может быть, еще все сто раз изменится. Обещаешь?
 - Что-нибудь ему передать?
 - Передай... Ну, что я его люблю, жду и всякое такое. Может быть, с этой мыслью ему будет легче коротать время в том застенке. Правда, мне его жаль. Но он такой же парень как ты. Это у вас семейное: любите жить вдалеке от дома. А потом выясняется, что дома уже нет. И вы удивляетесь – как несправедлива жизнь. Как она жестока. Но дело в вас самих. Вы не хотите понять, что женщина не может годами жить одна. Теперь все, хватит. Вытряхивайся.
- Он вызвал такси по телефону и, поцеловав Луис в щеку, уехал.

Глава 6

Телефон в гостиничном номере Джона зазвонил под вечер, это была племянница Перл. Она спросила, можно ли встретиться прямо сейчас. Она в центре города, и может подъехать к гостинице через полчаса. Джон смотрел в окно на заходящее солнце и первые огоньки внизу, соображая, где удобнее назначить встречу. Он хотел выспаться этой ночью, самолет вылетает в шесть, а до аэропорта еще нужно добраться, но встреча с племянницей важнее хорошего сна. Он вспомнил название кафе напротив отеля, оделся и спустился вниз.

Устроившись за столиком, он заказал кофе и стал разглядывать людей за витринным стеклом, стараясь найти племянницу среди прохожих, но не нашел, – Перл появилась в дверях неожиданно. За последние полтора года она вытянулась почти на пять дюймов, еще сильнее похудела и перекрасилась в блондинку. Одета в светлый сарафан на тонких бретельках, обнажающий острые плечи и выпирающие ключицы, она выглядела свежей и привлекательной, но какой-то нескладной, с порывистыми резкими движениями, по-девичьи угловатой.

Следом тащился парень, тоже худой и долговязый, одетый в джинсы, дырявые на коленях, и куртку военного образца с двумя дюжинами блестящих значков на груди. Парень представился Диком. Он сел, уперся локтями в стол и отвернулся к витрине, будто надеялся увидеть за стеклом что-то интересное.

Перл чмокнула дядю в щеку, нырнула в огромную холщевую сумку, долго копалась в ней, перебирая какой-то мусор, наконец, вытащила незапечатанный конверт и протянула его дяде. Внутри оказался тетрадный листок, исписанный с одной стороны крупным почерком, и три фотографии.

– Джон, передай папе, что я его жду, – сказала Перл. – Я все написала.

– Папа тоже просил передать тебе, что любит и ждет встречи, – это Джон придумал эти слова. Во время десятиминутного телефонного разговора Том был так подавлен, так оглушен происходящим, что не мог думать и говорить ни о чем другом – только о своей беде. – Папа так и сказал: передай Перл, что я ее очень люблю. И считаю дни до нашей встречи. Кстати, ты узнала, что я здесь, от мамы?

– Она сначала не хотела говорить. А потом вдруг расплакалась и сказала. Она бы соврала. Вчера я приехала домой, чтобы забрать кое-какие книги. И стала спрашивать, что это за чемодан в холле. Ну, с отцовскими вещами.

– Разве ты живешь не с мамой?

– Не знаю, что она тебе сказала, но я там не живу уже больше года. С тех пор как появился этот дантист Дэвид. Вообще-то он неплохой человек, но зануда. Слишком достает своими замечаниями и вопросами. Пусть воспитывает своих детей, а не меня. Тем более меня воспитывать уже поздно. Скажи, Дик.

Она толкнула своего парня под локоть.

– Конечно, – кивнул он. – Чего теперь воспитывать? Раньше надо было.

– Я не видела отца... Даже не помню сколько времени. Прошлый раз, когда он приезжал, я была в Европе. Работала в лагере для подростков возле Люцерна в Швейцарии. Ты скажи отцу, что мы его любим. И ждем возвращения. Правда, Дик?

– Да, это ничего, что он в тюрьме, – ожил Дик. – Ничего... Он же выйдет когда-нибудь?

– Я на это надеюсь, – кивнул Джон.

– А почему его не хотят отпустить до суда? – спросила Перл. – Ну, как это в Америке делают?

– Наверное, боятся, что он снова пойдет в ресторан и снова подерется, – усмехнулся Джон. – Разобьет пару тарелок и чью-нибудь физиономию.

– Нет, я серьезно.

– Там у них другие законы. Скажем, присяжные выносят вердикт: не виновен. У нас решение суда присяжных обжаловать никто не имеет права. Если не виновен, тебя тут же отпускают. А дело закрывают навсегда. У них после оглашения выступает прокурор и требует назначить новый суд над оправданным человеком. С новым составом присяжных заседателей. Опять оправдают? Значит, еще один суд... Так до тех пор, пока человеку не дадут тюремный срок. И такой длинный, что прокурор придет в восторг.

Взгляд скользнул по куртке Дика, по пальцам рук, ладоням, лежащим на столе. На внешней стороне едва заметным припухлости, вроде прыщиков. Похоже на следы инъекций, сделанных инсулиновым шприцем с тонкой иглой, легко входящей в тонкие кровеносные сосуды. Если парень колется в ладони, значит, вены на ногах и руках уже никуда не годятся, их почти нет.

Джон украдкой разглядывал руки племянницы, запястья и локтевые сгибы. Пару лет назад она увлеклась легкими наркотиками. Интересно, не переродилось ли увлечение в любовь к героину. Следов от инъекций не видно. Он сказал себе, что племянница хорошая девочка, добрая и умная, учится в колледже на эколога. И у нее хватит ума не притрагиваться к тяжелым наркотикам.

– Ты ведь учишься в колледже?

– Бросила, больше года, – Перл снова толкнула Дика под локоть. – Спроси, что хотел.

– Я слышал, что в Москве очень легко разбогатеть, – сказал Дик. – Ну, вкладываешься в какой-нибудь бизнес. Выпекаешь пиццу или организуешь срочную доставку товаров. И все... Через год ты уже миллионер. А через два года у тебя будет только одна проблема, – достать побольше пустых мешков, чтобы складывать наличные. Короче, мы с друзьями скопили немного денег. И Перл с нами в доле. И хотим начать в Москве свой бизнес. Но только не знаем, чем лучше заняться. И знакомств никаких нет. Мы хотели поговорить с отцом Перл или написать ему. Но он попал в тюрьму. Конечно, нам надо было раньше шевелиться. Теперь посоветоваться не с кем. Что скажете?

– Держись подальше от России, – улыбнулся Джон. – Деньги ты, может быть, и зарабатываешь, но вряд ли тебе позволят увести наличные домой. Придут крепкие парни, все заберут. И ты, чтобы наскрести на обратный билет будешь стоять возле станции метро. В снег, в жару, в дождь. И раздавать прохожим такие листочки... Ну, с рекламой сомнительных массажных салонов. Платить тебе будут копейки. Этого хватит, чтобы с голода не умереть. Но не хватит на обратный билет.

– Бизнес – это лотерея, – сказал Дик. – В Москве есть шанс сорвать банк.

– Выброси из головы. Сейчас в России трудные времена.

– Но ведь отец Перл работает там. Он разбогател. Просто фантастически...

– Ты не умеешь делать то, что умеет он: делать деньги из воздуха, – сказал Джон. – Поэтому пока останешься бедным.

Они поболтали еще четверть часа и вышли на улицу. Джон остановился и посмотрел вслед Перл. Высокая и худенькая, с длинными стройными ногами, она не казалась женственной и привлекательной, а напоминала болотную цаплю. Дик, подтягивая на ходу полуспушенные джинсы, тащился следом. Оказывается, сзади на его куртке тоже были приколоты блестящие значки.

* * *

Было прекрасное солнечное утро, когда Джон вышел из самолета, взял в аэропорту машину на прокат и добрался до гостиницы. Он принял душ, сварил кофе и, раскрыв гладильную доску, привел в порядок помявшиеся в чемодане брюки и пиджак. Торопиться было некуда, в запасе оставался еще целый час, но он, поддавшись приступу беспричинного волне-

ния, не смог усидеть в четырех стенах и приехал в дом престарелых "Дубовая роща" раньше времени. Дожидаясь приема главного врача, сидел в пустом холле и разглядывал картины, заражающие человека позитивными эмоциями: восходы солнца над лазурным морем, долины, залитые светом, горные вершины, реки и поля... Таких картин Джон вдовольт насмотрелся десять лет назад в хосписе, где от рака крови умирал отец.

Врач, женщина неопределенных лет, тоже выглядела позитивной и жизнерадостной. Она сказала, что Тереза, мать Джона, чувствует себя неплохо, болезнь Альцгеймера прогрессирует довольно медленно, и на начальной стадии поддается лечению. Дело осложняет диабет и некоторые другие хронические болезни, но в общем и целом ситуация неплохая. В прошлый раз она говорила то же самое, теми же словами. Джон задал насколько вопросов вышел в холл, лифтом поднялся на четвертый этаж.

Он прошел коридором, застеленным зеленым с золотыми прожилками ковром, постучался в дверь матери. Никто не отозвался, тогда он толкнул дверь и вошел без приглашения. Слышно, как в ванне работает фен. Джон прошел в комнату, поставил на стол горшок с цветами. Здесь ничто не напоминало о том, что находишься в доме престарелых больничного типа. Настоящая частная квартира, семейное гнездышко, уютное и чистое. Мебель, серванты, горка с фарфоровыми безделушками, диваны и телевизор, перевезли из дома матери. На обеденном столе семейный альбом, – мать любит разглядывать фотографии, но часто не может вспомнить, кто есть кто, путает внуков и детей, иногда себя не узнает.

Слева по коридору еще две комнаты, спальня и комната отдыха. Справа кухня, где никто никогда не готовил еду. Завтраки, обеды и ужины приносит горничная. Мать в длинном синем халате, разрисованным морскими звездами, вышла из ванной, на ходу поправляя еще влажные волосы. Она похудела, но выглядела неплохо, осмысленный взгляд и здоровый цвет лица. Застыла на минуту. И так стояла, прикрывая рот ладонью, словно вспоминала, кто пришел, а вспомнив, бросилась к сыну, повисла на плече.

– Томас, как рада... Я ждала тебя вчера до самой ночи. Почему ты не позвонил?

– Мама, я Джон.

– Прости, Джон. Господи, как урчит твой живот. Ты ничего не ел?

– Не беспокойся, я сыт.

На запястье пристегнут браслет, напоминающий электронные часы, если больной выскользнет из здания и уйдет, его будет легко найти по сигналу, который передает маячок. Мать прижималась к нему, гладила по спине. Здесь всегда одно и то же, она путает его со старшим братом, иногда с покойным мужем.

– Прости. Как ты вырос, Джон. Господи, неужели ты до сих пор растешь?

– Я так не думаю.

– Когда человек растет ему надо лучше питаться. Ты принес мне торт?

– Только цветы. Доктор не разрешает сладкое.

Они сели в кресла на балконе, сверху отличный вид: справа дубовая роща, слева искусственный пруд с водопадом и поле для гольфа.

– В детстве ты хорошо играл на гитаре, – сказала мать. – Скажи, сейчас ты упражняешься. Чтобы хорошо играть, все время надо заниматься. Десять часов в день.

– На гитаре играл не я, наш сосед. Такой рыжий мальчишка.

– Да, да... Чтобы чего-то добиться, ты должен заниматься каждый день. Когда у тебя концерт? Я должна присутствовать. Ты пригласишь меня?

Господи, что ответить? Он потер пальцами лоб.

– Конечно, приглашу.

– Пожалуйста, место в первом ряду. А лучше в ложе, той самой, что ближе к сцене. Ты сможешь устроить мне ложу?

Всю жизнь мать прожила в крошечном городке, где был единственный очаг культуры – небольшой кинотеатр на главной площади. В театре она была несколько раз, когда с мужем ездила в Нью-Йорк и Чикаго. Так откуда тогда появились эти странные фантазии о ложе?

– Смогу. Не беспокойся.

– Скажи: это дорого, ну, держать меня здесь.

– Не думай об этом. Как ты себя чувствуешь?

– Что? Когда ты был маленьким, у тебя все время дулся живот. Он становился таким огромным, как арбуз. Даже смотреть на него было страшно. Казалось, что ты взорвешься прямо у меня на глазах. Из живота выходили газы. Обычно это случалось по ночам. У тебя с Джоном была одна спальня. Он жаловался, говорил, что ему нечем дышать. Да, ты мог обкакаться...

– Ты путаешь. У меня не было проблем с животом.

Он смотрел вдаль, на низменность, за которой видна Миссисипи. Река блестела под солнцем, словно стальная змея. Встречу с матерью, их разговоры он представлял себе как-то иначе, без этих болезненных фантазий о животе и гитаре. Впрочем, все это не имеет значения, через десять минут она забудет, о чем они говорили, забудет, что приходил сын. Ужасная болезнь. За что Бог наказывает человека. Сначала делает ему щедрые подарки, – жизнь, здоровье, молодость, счастье, любовь, – а потом все забирает обратно. Это жестоко, несправедливо, это больно, но так уж все устроено на этом свете, – сначала все, а потом ничего.

– Мне не разрешают выходить из здания. Они говорят, что я уйду неизвестно куда и потеряюсь.

– Ничего, потерпи, – сказал Джон. – Скоро я вернусь. И уже никуда не уеду. Мы будем ходить к реке. Каждый день. И долго гулять. Там есть дорожка и стоят лавочки, чтобы люди отдыхали. Долго-долго будем гулять и вспоминать старую жизнь. Мы возьмем с собой бутерброды и кофе в термосе. И уйдем очень далеко.

– Запомни: когда живот вздувается, ты все рано должен себя контролировать. Наверное, твоей жене не нравится, когда тебя дует ночами.

– Мама, с женой я давно развелся. А газы меня не мучают.

Мать замолчала. В эту минуту лицо как-то изменилось, просветлело. Показалось, что к ней вернулась память.

– Томас обещал забрать меня отсюда. Он купил роскошный дом в Майами. А я всю жизнь мечтала погреться на солнышке. Жить там, где нет пасмурных дней. Где вечное лето. Он сказал, что я буду с ним вместе, в его новом доме. Все вместе, одной семьей. Где он сейчас?

– Он работает в Москве. Сейчас он занят, но скоро освободиться. И сразу же приедет к тебе. Заберет отсюда, если ты этого захочешь, и вы вместе отправитесь к нему. Том скучает по тебе. И просит прощения за то, что не смог приехать. У него очень много дел в последнее время.

– Ко мне приезжала, – мать стала щелкать пальцами, вспоминая имя внучки, – Приезжала, ну, как же ее... Моя внучка. Как же ее? Такая высокая и худая. С длинным носом. Перл, вот как. Она очень хотела, чтобы мы жили вместе. Но как это все устроить?

– Не волнуйся. Как-нибудь устроим.

– Я долго решала, что делать с домом. Наверное, его надо продать. Как ты думаешь?

– Возможно. Как хочешь.

– Ладно, Джон, иди. Тебе надо отдохнуть перед завтрашним концертом. Иди... И не забудь прислать приглашение.

– Я еще посижу. Нам некуда спешить.

Разговор продолжался около часа, вопросы, что задавала мать, время от времени повторялись. Джон подумал, что болезнь берет свое, улучшений не заметно. Прошлый раз мать его узнала с первого взгляда. Не приходилось повторять одно и то же по нескольку раз, художественно память удерживала информацию. Может быть, это ухудшение – временное, так бывает.

Через неделю или через месяц станет лучше. Он перелистал немало медицинских журналов, и врач говорила, что на начальной стадии болезни память может вдруг ухудшиться, – но это не надолго. Они попрощались, Джон поднялся, обнял мать, провел рукой по ее спине, – и сердце больно сжалось, – такая она худая и маленькая.

Глава 7

Мужчиной, который подсел к охраннику частной фирмы Кротову и попросил его за приличное вознаграждение открыть ворота, когда подъедет белый "форд", оказался уголовный авторитет Николай Айвазян. Он же Борис Азизов, он же Эльдар Дроздов, он же Михаил Кацман. В местах лишения свободы побывал семь раз, но особо тяжких преступлений на нем нет. Сидел за подлог, незаконное предпринимательство, подделку векселей, кражу личного имущества, а также многоженство, вымогательство, умышленный поджог административного здания и доведение человека до самоубийства.

Айвазян ни от кого не прятался, поэтому найти его оказалось легко. Его взяли на квартире сожительницы, некоей Тамары Паниной, известной скупщицы краденого, и доставили во внутреннюю тюрьму ГУВД. Айвазян оказался человеком очень вежливым, с хорошими манерами, держался спокойно, с чувством собственного достоинства. Одет в приличный темно-синий костюм тонкой шерсти, ногти с маникюром и модельная стрижка. На висках благородная седина, очки в золотой оправе. Девяткин поговорил с ним о капризах погоды, плохой работе общественного транспорта и перешел к делу, задав несколько вопросов. Айвазян ответил, что произошла ошибка, гражданина Кротова, сотрудника частного охранной фирмы "Гарант" он, к сожалению, никогда не встречал, затем попросил вызвать адвоката и замолчал.

Девяткин пошел напрямик: если уважаемый господин Айвазян будет играть в молчанку, придется попортить его костюм и прическу. И причинить много других неудобств. Один гражданин, буквально на днях, прямо в этой комнате, на этом самом месте, неудачно упал с табуретки, сломал себе позвоночник и был отправлен не в камеру, а в морг. Тут дверь следственного кабинета открылась, из коридора вошли два дюжих молодца, похожих не на полицейских, а на бандитов. Один поставил в углу огромное, – литров на сорок, – ведро с водой.

– Сейчас не сталинские времена, не тридцать седьмой год, чтобы взять и замордовать человека на допросе, – ответил Айвазян, голос его звучал тускло, неуверенно. – Сейчас вам это с рук не сойдет... Не то что раньше...

Он сидел в драматической позе: поставил локоть на стол и обхватив лицо ладонью, симулируя работу мысли и душевные терзания. Тайком поглядывал на ведро, полное несвежей воды и думал, что для начала громилы, топтавшиеся возле двери, несколько раз утопят его в этом ведре, потом вернут к жизни и снова утопят. Эта мучительная процедура может продолжаться довольно долго.

А что случится потом? Ему отобьют почки. Но и это будет лишь разминкой, прелюдией к настоящей звериной расправе. А дальше, дальше? Айвазян слышал о Девяткине, что он человек честный, с принципами, пообещал – сделает. Украдкой перевел взгляд, увидел, лицо Девяткина, – напряженное, глаза сузились в злом прищуре, левое веко подергивается. Это неожиданное наблюдение напугало Айвазяна больше, чем ведро с водой и два амбала в спортивных костюмах.

– Мы сделаем все, чтобы никто из ваших друзей и знакомых о нашем разговоре не узнал, – пообещал Девяткин. – Я оформлю протокол допроса. Но эта бумага хода не получит, останется у меня. Если вы скажете правду, наказание будет очень мягким. Может статься, – выйдете отсюда всего через несколько дней. Знакомым объясните, что срочно ездили в Пятигорск, подлечить желудок и попить минеральной воды. У вас ведь язва? Вот и хорошо. Проездные документа и счета из гостиницы мы предоставим. И больше никаких неудобств для вас.

– Хорошо, отлично, – сердце ныло, но Айвазян постарался улыбнуться. – Тогда уберите это ведро. Чего без толку водой плескаться? Мы что, дети?

* * *

Он не ждал вопросов, а рассказал все, с начала до конца. Где-то месяц назад к нему обратился некто Евгений Василевский, кличка Скиф, мало примечательный дядька средних лет. Соломенные волосы и усы, круглое лицо и с глубоко спрятанными мелкими глазами. Они познакомились года три назад в квартире одной женщины, зарабатывающей сексуальными услугами. Там же мужчины ночами играют в карты. С тех пор изредка встречались в разных местах, знакомство шапочное: здравствуй – до свидания.

По манерам и разговору сразу понятно, что Скиф не из местных, он наезжает в Москву на гастроли, а постоянно живет где-то в другом месте. Видимо, за помощью к Айвазяну он обратился потому, что подвел какой-то другой человек, близкий друг и помощник, и надо было срочно найти запасной вариант. Скиф ждал двух гастролеров из Питера, которые собирались обчистить квартиру столичного банкира по фамилии Лурье, говорят, баснословно богатого. Только кража, никакого насилия, никакой крови, – это было твердое обещание.

Требовалось найти приезжим парням более или менее приличную машину, дом или квартиру под Москвой, в тихом месте, где они, когда все закончат, смогут выждать недели две-три, пока уляжется пыль, а потом уедут к себе. Айвазян подобрал приличный дом, встретил питерских гастролеров, раздобыл почти новый белый "форд". Позже Скиф попросил достать поэтажный план дома, где живет Лурье, и договориться с охраной, чтобы машину пропустили во двор. Айвазян все выполнил. Поговорил с одним из охранников, по виду совсем мальчишкой, пугнул его слегка, тот обещал открыть ворота.

Вот и вся история. Василевский предложил заплатить пять процентов с того, что возьмут гастролеры, если делить по-честному, – могли получиться приличные деньги. Но Айвазян всегда договаривался на конкретную сумму, и сейчас не изменил привычкам. Он ответил, что его цена, – двадцать тысяч долларов, – половина вперед. Про убийство мужа и жены Лурье он узнал через день из газет. Пытался дозвониться Василевскому, но тот пропал без следа, и по сей день не появился. Айвазян записал на листе бумаги домашний адрес и телефон Скифа, а также адрес дачного поселка, где скрываются убийцы. Затем Айвазяну показали три с половиной сотни фотографий преступников из полицейской картотеки, которые, по словесному описанию, похожи на Скифа, – зря только время потратили.

Айвазян сказал, что убийцы до сих пор живут в загородном доме, "форд" там же, на участке, в гараже, – попросил еще пару листков бумаги и нарисовал подробный план дачи. Он никогда бы не связался с убийцами, – спросите кого угодно, – Айвазяна тошнит от одного вида крови, он не терпит физического насилия. И вообще он эстет, любитель театра, хорошей живописи, красивых женщин, вина с утонченным вкусом. А тут получилось так, что его подставил приятель, теперь дружбе конец, никаких обязательств перед Скифом больше нет.

Девяткин стал расспрашивать о питерских парнях. Но Айвазян ничего конкретного сказать не мог. Виделись они два раза, он остановил машину на двадцатом километре на Калужском шоссе, те двое сели сзади, коротко поговорили. С собой у них были спортивные сумки, одеты в джинсы и куртки. Таких встретишь на улице, – не обратишь внимания, – серые личности. Он отвез гостей в загородный дом. Там было приготовлено свежее постельное белье, много консервов, растворимый кофе и галеты. Чтобы они пореже выходили с участка.

Старшему лет сорок с небольшим, зовут Вадимом, второй Макс, ему лет тридцать, коренастый, невысокий. Особых примет, родинок или татуировок, шрамов, нет. Блатных слов в разговоре не употребляют, вежливые. К водке и пиву не притрагиваются. Максим изредка курит. Старший сказал: если нужно зарегистрироваться по месту временного проживания, у них есть паспорта, – документы надежные. Айвазян ответил, что этого не требуется. Разумеется, имена и паспорта этих парней, – фуфловые.

Второй раз встретились, когда он привез пару ящиков с продуктами. Они попросили красную рыбу и пару кусков свежей говядины. Айвазян завез еду и не стал задерживаться. Если честно, – с самого начала его что-то пугало в этих парнях. Это словами трудно объяснить, пожалуй, человек, сидевший в тюрьме, его поймет. Ну, такие они люди, как бы это лучше объяснить: посмотрят на тебя, и от одного только взгляда – по спине холодок. А ведь Айвазян не мальчишка, – он третий калач.

Девяткин приказал отвести Айвазяна в камеру, сам отправился к начальству на доклад. Полковник Николай Богатырев выслушал молча, не перебивая вопросами, он был задумчив. Сказал, что с задержаниями пока не надо торопиться. Сначала следует проверить информацию, установить наблюдение за дачным домом и квартирой Скифа, – а там видно будет.

* * *

Минули пять дней. В загородном доме по-прежнему проживали два подозрительных мужчины, они редко выходили за забор, сидели тихо. У Скифа в Москве своей квартиры не было, он снимал комнату у старушки семидесяти лет, тети Паши. Хозяйка сказала, что имя постояльца то ли Васильев, то ли что-то похожее. Зовут Евгением. Официальных бумаг о сдаче комнаты этому человеку у бабушки нет, она грамоту плохо понимает, – только уговор на словах. Василевский приезжает приблизительно один-два раза в месяц, а потом пропадает. Платит исправно, вперед, случается, угощает старушку деликатесными продуктами. Очень спокойный доброжелательный человек. Не пьет и женщин не водит. При обыске в комнате не нашли ничего интересного для следствия.

Айвазяна выпустили из тюрьмы, пару дней он сидел дома, потом стал выходить за продуктами и газетами. На третий день поехал в центр города, где проходил музыкальный фестиваль, смешался с толпой и пропал. Оперативники, наблюдавшие за ним, искали Айвазяна в окрестных переулках и вернулись ни с чем. В тот же день задержали Василевского, с большим чемоданом в руках, он вошел в парадное и позвонил в квартиру старушки, но открывать дверь вышли оперативники.

Василевского допрашивали пять часов без перерыва в местном управлении внутренних дел. Выяснилось, что он не судим, по притонам не ходит, в карты не играет. Женат, имеет четырех детей. Работает в потребительской кооперации, в Костроме, в Москву приезжает, чтобы привести на один из рынков грузовик с сыром, колбасными изделиями и свежим мясом. С Айвазяном был некогда знаком, это старый клиент, года три покупал сыр и копченую колбасу только у Василевского. Можно сказать, у них с Айвазяном были товарищеские, доверительные отношения. Даже пару раз в ресторане посидели...

Однажды Айвазян сказал, что у него в Москве много знакомств среди работников торговли. Те продукты, которые Василевский привозит на рынок и отдает за полцены, можно реализовывать совсем за другие деньги. Он предложил забрать у Василевского товар на реализацию, а расчет – через неделю. Айвазяну отгрузили полтонны сыра, две с половиной тонны свежего мяса и колбасных изделий. А взамен получил копеечный аванс, расписку и накладные.

Василевский ждал неделю, другую... К исходу третьей недели понял, что денег ему не видать и Айвазяна тоже. Обратился в полицию, но там сказали, что поймать афериста будет непросто. Поиски Айвазяна в Москве зашли в тупик, ясно, что он уехал далеко и вернется еще нескоро, если вообще когда-нибудь вернется.

Глава 8

Дом, в котором прошли лучшие годы жизни, по-прежнему выглядел неплохо. Особняк в викторианском стиле с мезонином и башенкой на втором этаже. Не помешало бы его покрасить, а в остальном все в порядке. Внешние ставни закрыты, входная дверь заперта на два замка. Джон не стал загонять машину в гараж, оставил ее улице. Поднялся на крыльцо, прошелся взад-вперед по широкой открытой веранде и зазвенел ключами.

Раз в месяц уборщица пылесосит ковры и вытирает пыль, а мальчишка мексиканец стрижет траву, а осенью убирает листья. Внутри полумрак, воздух неподвижный, пахнет пылью, полиролью для мебели, истлевшими коврами, старыми книгами и золой. В большом горшке возле двери – засохший фикус. Мягкая мебель под белыми чехлами. Над камином голова оленя, отцовский трофей. Господи, как хорошо, что существует место, куда можно вернуться, где тебя ждут, пусть не люди, но тени этих людей, воспоминания, живущие здесь.

Он вышел из задней двери, открыл ворота гаража на две машины. Переоделся в рабочую куртку, надел рукавицы. Достал и собрал длинную алюминиевую лестницу, залез на второй этаж. Поднялся на по крыше наверх, к коньку. Кровельный материал местами потрескался и теперь пропускает влагу. Следующий час он чистил желоба от прошлогодней почерневшей листвы. Мальчишка мексиканец тот, что косит траву, обещал забираться сюда и присматривать за желобами, но забыл или поленился.

Закончив работу, Джон собрал лестницу, спустился в подвал, включил свет и убедился, что здесь сухо. В отдельном закутке столярная мастерская отца, за перегородкой стиральная и сушильная машина. В высоком сейфе карабины и пистолеты, которые при жизни собирал отец. Джон пошел наверх, осмотрел потолок в спальне родителей. Пятна от протечек довольно большие, похожие на географические карты. Сейчас он пообедает в пивной "Золотая корона" и съездит в соседний городишко к Длинному Биллу. Билл выполняет ремонты любой сложности и занимается крышами, он из тех парней, кому можно верить.

Джон бесцельно побродил из комнаты в комнату, посидел в кресле перед камином, снял с полки и полистал книгу о птицах, живущих на Среднем Западе. Настенные и напольные в столовой часы стояли. Надо сказать уборщице, чтобы заводила их время от времени. Он подумал, что в последние годы, когда сыновья разъехались, матери одиноко было жить здесь.

Он толкнул дверь своей спальни. Окно выходит на задний двор, там гараж и клумбы с цветами. Впрочем, цветов нет, и клумбы тоже давно нет. Дом медленно, почти незаметно приходит в упадок, дома быстро стареют без людей. И городок стареет. Еще лет двадцать назад здесь работала фабрика, где выпускали упаковочный картон, небольшая типография, завод по производству свиных консервов. На главной улице было полно магазинов, кафе, прачечных. Теперь нет ни завода, ни фабрики, и магазинов заметно поубавилось. Цены на недвижимость упали, отдавать родительский дом за бесценок, – душа не лежала.

В этой комнате можно вспомнить все свое детство и юность, вплоть до того дня, когда он понял, что не хочет работать на фабрике, а хочет посмотреть мир, поэтому надо бежать отсюда. Он переехал в большой город, попытаться начать жизнь там. Два года учился в колледже, но решил, что архитектура – это не для него. Он подписал контракт с армией США, вступив в корпус морской пехоты. Теперь, много лет спустя, совершив большой круг, он хотел бы вернуться обратно, в этот дом, в этот город, в прежнюю жизнь.

Он присел на кровать и стал разглядывать выцветший от солнца плакат "Doors" на противоположной стене. Бумага пожелтела на солнце, краска поблекла, только Джим Моррисон по-прежнему был юн, прекрасен и талантлив. Да, в этой комнате можно вспомнить всю свою жизнь, только вспоминать не хотелось.

* * *

Он вышел из дома, запер дверь и минут десять колесил по городу, разглядывая дома и людей. Пешеходов почти не видно, большой хозяйственный магазин на центральной улице закрыт. Джон свернул к пивной "Золотая печать". Здесь царил полумрак, пахло мореным деревом и кислым пивом. За столиком дремал какой-то долговязый старик в соломенной шляпе с широкими полями, на табурете у стойки дядька с гривой седых волос и бородой, он читал газету. За прилавком незнакомый бармен, крупный парень в клетчатом фартуке от нечего делать протирал салфеткой пивные кружки. Джон заказал пинту светлого и спросил, работает ли сегодня Грейс.

– Она курит на заднем дворе, – сказал бармен. – Сейчас вернется.

Она появилась, когда Джон, сидя за столиком у окна, допивал уже вторую кружку. Высокая и стройная, с рыжими волосами, рассыпанными по плечам, вошла, она остановилась в противоположном конце зала, глянула на него. Джон снял бейсболку и помахал рукой. Она быстро подошла, наклонилась и поцеловала его в висок.

– Господи, – глазам не верю. Какими судьбами... Ты был у Терезы? Я заезжала к ней недели две назад. Она ничего тебе не рассказывала? Значит, забыла...

Грейс владела этим баром наполовину со своим младшим братом. Этот бизнес, конечно, не золотое дно, но вечерами посетителей набивается довольно много. Она села напротив и стала внимательно разглядывать Джона. Под этим пристальным взглядом он почему-то смущался как мальчишка.

– Ты надолго?

– День побуду, то есть, я хотел сказать, – два дня, сегодня и завтра, – в присутствии Грейс он частенько путался в словах, не мог сосредоточиться и перескакивал с одного на другое. – Маму я навестил. Домой заехал, ну, крышу посмотреть. Ей давно уж нужен ремонт. Но ночевать там не буду. Надо застилать кровать, пылью пахнет и вообще... Короче, я остановился в мотеле. По шоссе в десяти милях отсюда, так удобнее.

В свое время, еще в школьные годы, он вместе с Грейс мечтал уехать отсюда, но уехал он один. У Грейс ничего не получилось. Долго болел отец, потом замужество, не самое удачное. Появился ребенок, очаровательный мальчик Итан, сейчас он ходит в третий класс, а и бар жалко бросать. В школе Грейс была самой красивой девчонкой, за ней бегали даже старшеклассники. Она так и осталась красавицей, только немного располнела. Сейчас, когда он смотрел на Грейс, появлялось чувство, будто он сделал в жизни большую ошибку или потерял нечто ценное, но что именно, – не сразу поймешь. Два года назад она развелась с мужем. Надо было, не теряя ни минуты, вернуться из Москвы, сделать ей предложение и навсегда остаться здесь.

– Если бы ты позвонил, я бы убралась в твоём доме. И все приготовила к твоему приезду.

– Не стоит беспокоиться. У тебя новый бармен? – удивительный талант Джона – в первую очередь задать никчемные второстепенные вопросы, но не спросить о чем-то важном, о главном, – этот талант живет, он неистребим.

– Джон, тебя не было почти год, – сказала Грейс. – Бармен работает с весны.

– Понятно. Кого-нибудь из наших видишь?

– Все реже и реже, кое-кто приезжал прошлым летом, – Грейс назвала несколько имен бывших школьных друзей. – Мне самой иногда хочется уехать и больше не возвращаться сюда.

– Брат против этой идеи не возражает?

– Фрэнк сам давно говорит: зачем тебе этот бар. Выручка небольшая. Тебя здесь ничего не держит. Он мог бы выплатить мне мою часть за это заведение. Пожалуй, Фрэнк обрадуется, если я соглашусь уехать. Но, видно, такова моя судьба. Здесь родиться и прожить жизнь.

– Что ж, это не самая плохая судьба.

– Совсем забыла, где-то месяц назад заглянул Тео Уолтон, собственной персоной. Он частенько обедает в блинной тетушки Роуз, что возле шоссе. Он любит блины с кленовым сиропом. А здесь, в баре, показывается редко. Так вот, месяц назад он заехал, посидел. Выпил бурбона, съел луковый суп и котлеты с бобами. Мы немного поболтали. Тео сказал, что вернулся из Северной Африки. Спрашивал о тебе. Попросил тебе передать: если ты появишься, позвони. Сейчас...

Она поднялась, ушла за стойку, вернувшись, положила перед Джоном визитную карточку.

– Наверное, хочет с тобой выпить...

Из их класса кроме Грейс в городе осталась только Кэрол Бетс, родившая столько детей, что сама иногда забывала сколько их, и бедняга Артур Бланко, он получил травму позвоночника в автомобильной мастерской, когда рухнул подъемник, и теперь передвигался на электрической коляске. Его дом на главной улице, Артура всегда можно увидеть на веранде, он сидит в своей каталке, смотрит на дорогу. Еще можно встретить Тео Уолтона, – самого знаменитого выпускника, правда, он заканчивал школу двенадцатью годами раньше. Он унаследовал большое поместье на берегу Миссисипи и кучу денег, их хватит, чтобы прокутить за двадцать жизней.

Он преумножает свои капиталы, занимаясь спекуляциями на фондовой бирже. Тео все здесь любят, он не задирает нос, выглядит и держится как простой местный мужчина, и еще он жертвует городу много денег. Он построил новую баптистскую церковь и новый корпус начальной школы, разбил парк в центре и еще сделал массу других добрых дел. Если бы Тео захотел стать мэром города или баллотироваться от округа в палату Представителей, он бы добился задуманного, даже не потратил много денег на избирательную кампанию.

Но Тео не любит власть, он любит путешествовать. У него офис в Нью-Йорке, но чтобы делать деньги, не обязательно сидеть там постоянно. Тео полгода проводит в Европе, месяц в Африке, месяц еще где-то, он катается по миру, как вечный турист, но возвращается сюда ранней осенью, живет до Рождества, а потом снова уезжает.

Осень здесь долгая, теплая и удивительно красивая, леса на другом берегу Миссисипи наливаются красками, а вода становится почти черной и гладкой, как зеркало. Прозрачный воздух, высокое небо, четкий контур холмов на горизонте. Пахнет прелыми листьями, землей, впитавшей в себя все тепло, все запахи лета, пахнет солнцем и близкими дождями. Наверное, такой осени нет нигде в мире, – она создает ощущение хмельной полноты жизни, от которой даже у крепких мужчин кружится голова. А Тео эстет и романтик, он умеет ценить красоту.

– Ты хочешь есть?

– От яичницы я бы не отказался. С беконом и помидорами.

– Я сейчас сделаю.

– Подожди, посиди. Дай на тебя посмотреть. Расскажи о себе, как ты?

– Все так же. Работаю, прошлым летом с Итоном ездили в Калифорнию. Купались в океане. Он уже совсем взрослый, все знает, помогает мне по дому. Он такой смешной. Еще не выговаривает букву р. И много рисует. Я купила ему акварельные краски и бумагу. Теперь весь дом завешен его рисунками. Ты приехал...

– Просто навестить мать. И на тебя посмотреть.

– Расскажи, как твои успехи в Москве? Как Том?

Джон решил, что подробности будут лишними.

– Том в порядке. Хотя, честно говоря, хвастаться особо нечем. Дела в Москве идут не блестяще. Бизнесмены пакуют чемоданы и покупают обратные билеты. Несколько лет все вместе проедали русские нефтяные деньги. Но вечеринка кончилась. Мы тоже подумываем вернуться. Во всяком случае, я – точно возвращаюсь.

Глаза Грейс вспыхнули, а лицо осветилось, будто на столике зажгли свечку.

– Ты хочешь вернуться сюда?

– Да, наверное, – кивнул он. – Но пока в Москве держат кое-какие дела, пустяковые. Надо с ними закончить. Вернусь и заживу в нашем старой доме. А что? Буду охотиться на диких индюшек. И отдыхать от больших городов. От многолюдья, суеты, плохого воздуха и плохой воды. Города надоели до чертиков. Куплю лодку с мощным мотором, всегда о ней мечтал.

– Хочешь, увидимся сегодня вечером? На нашем старом месте у реки? А потом поедem в твой отель.

– А как же Итан?

– Я попрошу соседку, чтобы забрала его на ночь. Придешь?

Он кивнул, снова испытал приступ неожиданного смущения.

Глава 9

Джон подъехал к дому Тео Уолтена в пятницу под вечер. Это был старый особняк красного кирпича в южном стиле, с белыми колоннами, портиками, широким балконом на втором этаже. Дом большой, но старомодный, без претензий на оригинальность. Поодаль сенной сарай, флигель для слуг, где жил только садовник с женой, загон для лошадей и пустые конюшни, – последние годы Тео не держал лошадей. По другую сторону хозяйственные постройки и гараж на шесть машин, который загораживали прекрасный вид на луг и реку.

Они посидели внизу у камина, поболтали о школьных друзьях. Тео развалился на диване и положил ноги в ковбойских сапогах на кофейный столик. Иногда он поднимался, чтобы принести лед, долить в стакан виски или подложить дров в камин. Долговязый и узкоплечий с вытянутым худым лицом, тонким носом, с темными с проседью ежиком волос и ярко голубыми глазами, он производил впечатление университетского профессора, а не биржевого спекулянта. Тео всегда сохранял своеобразную привлекательность и человеческое обаяние, особенно когда улыбался, – в эти мгновения выражение лица оставалось грустным или задумчивым.

– Мы виделись с твоим братом в прошлом году в Москве, – сказал он. – Посидели в ресторане и обменялись последними анекдотами. Том рассказывал, что у тебя хорошая работа. Ты плюешь в потолок, гребешь деньги лопатой и доволен жизнью. Насколько это вообще возможно, ну, быть довольным этой чертовой драной жизнью. Впрочем, у Тома работа еще лучше...

– До поры до времени так и было. Но кое-что изменилось. Потолок, в который я плевал, рухнул на голову. Насколько могу судить я, человек далекий от финансовых дел, – наш банк в шаге от банкротства. Я решил вернуться. Но не только из-за ухудшения дел, просто надоело до чертиков жить в чужой стране. А Томас... Он пока еще сидит в тюрьме и ждет суда.

– Сесть в тюрьму из-за какой-то драки... Смех, уму непостижимо. Ничего... Вот увидишь, неприятности скоро кончатся. На днях я пытался связаться с Томом, но по московским телефонам никто не отвечает. Звонил по твоему номеру – тоже никого. И вдруг ты сам сюда приезжаешь. Это знак божий.

– А в чем дело?

– Я все объясню. Когда суд?

– Уже скоро. Адвокат уверен, что Тома освободят.

– Дело простое. Только надо действовать быстро. Речь идет об обычной спекуляции на фондовом рынке, только очень большой. Я получил инсайдерскую информацию... Только не делай большие глаза. Это у нас за такие дела вкатят двадцать лет тюрьмы без права помилования. А в России все этим занимаются. Абсолютно все, от биржевых брокеров до членов правительства. Спекуляциями занимаются даже банки, хотя это не их бизнес... До недавнего времени инсайд даже не считался нарушением закона. А сейчас по русским законам за это – какой-то мизерный штраф. Даже смешно говорить. Короче, это дело вполне законное или почти законное.

– Хочешь я угадаю? Томас тебе нужен, чтобы... Ну, через наш банк купить ценные бумаги. Те, которые иностранцам их не продают? Купить, а потом, когда бумаги взлетят в цене, перепродать с выгодой, так?

– Мысль правильная. Но мне от Тома ничего не нужно. Пару раз он оказывал мне кое-какие услуги. Ну, я обещал поделиться информацией, если перехвачу что-то интересное. Твой брат говорил, что он не против немного заработать. Ну, у него проблемы с деньгами, я точно не знаю какие. И, если честно, это не мое дело. Но я знаю, какие капиталовложения надо сделать.

– Никогда не слышал, что у Тома финансовые трудности. Он небедный человек...

– Слушай, я передаю тебе то, что слышал краем уха. Может быть, никаких проблем в природе не существует. Но я обещал сделать для него что-то полезное и вот... Черт, как не вовремя эта история с тюрьмой. Впрочем, Том сидит, – но деньги его на свободе. Ими можно управлять.

– И сколько на твоей информации можно заработать? – Джон поставил стакан на стол и подался вперед. – Процентом десять-двадцать?

– В России из-за десяти процентов никто с печки не слезет. Ну, двести процентов, даже больше. Сейчас серьезные финансисты ушли из России. Остались спекулянты, мелкие процентщики, которые зарабатывают на чужих трудностях. Свободные деньги дорого стоят, акции лучших заводов, наоборот, не стоят почти ничего. Вот в чем суть... Есть крупный металлургический холдинг, сейчас он торгуется по восемь центов за обычную акцию и двенадцать за привелигерованную. Дела идут так себе. Высокая задолженность, высокие издержки... Есть информация, что правительство будет выкупать акции у собственника. После этого, бумаги вырастут в несколько раз.

– Выкупать у собственника?

– Правительству эта головная боль не нужна. Но хозяин холдинга довел свой бизнес почти до банкротства, а потом, когда дела стали совсем плохи, он в срочном порядке переехал в Лондон. И оттуда, с безопасной территории, ведет переговоры о продаже своих активов. Государству приходится расплачиваться по чужим долгам, – иначе рабочие выйдут на улицы. А этого никто не хочет.

– И когда все начнется? Ну, скупка бумаг?

– Решение на самом высоком уровне, в Кремле, принято только вчера. Через три недели о выкупе будет объявлено официально. До этого надо скупать акции небольшими пакетами через различные брокерские конторы. Покупатели – разовые подставные фирмы. Это для того, чтобы вокруг всей этой возни не было лишнего ажиотажа. Чтобы все тихо... За три недели можно прибрать к рукам блокирующий пакет. Потом мы соберем акции у одного собственника, – это брокерская контора "Новый горизонт". Она записана на одного русского парня, его зовут Илья Нестеренко, – но фактически находится у меня в кармане. Когда правительство скупит бумаги, – мы выбросим на рынок двадцать пять процентов, продадим одним пакетом, – и сорвем банк. При таком раскладе – за блокирующий пакет, мы получим на доллар вложений от трех до пяти долларов прибыли. Может быть, больше. Что думаешь?

– Через пару дней я буду в Москве. Через четыре дня увижу Тома. Обещали устроить с ним свидание в тюрьме. Думаю, он будет очень благодарен за услугу. А купить успеем? Три недели это совсем немного.

– Хватит и недели. У нас все козыри. Информация эксклюзивная. Русский фондовый рынок падает уже давно. Бизнесмены обменивают фишки на наличные и улетают за границу на собственных "Бомбардье". А правительству завещают свои долги и социальные обязательства. Государству не остается ничего другого – только платить по чужим счетам. Выкупать собственность у олигархов. Власть зальет экономические проблемы деньгами, – на какое-то время это поможет.

– Да, время сумасшедшее.

– А мне оно нравится. Именно сейчас можно зарабатывать большие деньги. Неделя-другая и на банковском счете вместо одного миллиона – пять или даже десять. У меня контакты в русских брокерских конторах, сейчас в свободном обращении до сорока пяти процентов этого металлургического холдинга. Но нам хватит и блокирующего пакета, двадцати пяти процентов. Передай Тому все, что от меня услышал. Оттуда, из этой чертовой тюрьмы, он может мне позвонить?

– Не знаю. Возможно.

– Мне нужно услышать только его "да" или "нет". И получить от него деньги. Остальное я сам сделаю. А ты, значит, твердо решил возвращаться на родину?

– Да, как только все кончится, вернусь. Мама хотела продать дом, но по правде говоря, в этом нет нужды. Этот дом много для меня значит. Это нечто большее, чем просто дом. Покончу с делами, останусь тут навсегда и забуду о существовании большого мира.

– Ты служил в армии, мотался по разным странам. Ты не сможешь жить здесь после того, что увидел. Тебе будет скучно в крошечном городке, окруженном полями кукурузы и силосными башнями. И сойдешь с ума от тоски и одиночества. Если бы я прожил тут пару лет, никуда не выезжая, тоже бы спятил.

– И Грейс так говорит. Посмотрим...

– Грейс? Да, про нее я совсем забыл. Ты заработал и еще заработаешь много денег. Кто-то должен их тратить. Для этого и нужна Грейс. Она хорошая женщина, тебе повезло.

Тео женился молодым и небогатым и развелся молодым, но уже преуспевающим человеком. Его единственная дочь с мужем и внучкой живет где-то в Европе. И на родине отца последний раз была лет пять назад.

Зазвонил телефон, Тео вскочил, убежал в другую комнату и закрыл за собой дверь. Джон смотрел на огонь в камине и думал о вчерашнем свидании с Грейс, затем стал думать о доме, к его следующему приезду будет новая крыша. Пожалуй, надо позвонить, чтобы заодно уж дом покрасили в светло-желтый цвет.

Джон встал, подошел к стойке бара. На открытых и закрытых полках столько бутылок, что можно запросто напоить роту солдат. Он подлил бурбона в стакан, положил несколько кубиков льда, сел на диван и стал смотреть на огонь в камине. Он думал о том, что человек должен куда-то возвращаться, пусть его никто не ждет, но все равно легче жить, когда знаешь, что есть такое место, куда всегда можно вернуться. Он может вернуться в дом своего детства. Матери здешний климат никогда не нравился, но она прожила тут всю жизнь. А для Джона такая погода – в самый раз. И по дому он всегда скучает. А дом, он как человек, живет своей жизнью, стареет. И приятно чувствовать с ним душевную связь.

Джон сказал себе, что выпил слишком много. Он поставил стакан на стол, встал и положил в огонь пару поленьев.

Глава 10

Девяткин стоял возле покосившегося забора и голого куста рябины и разглядывал дом на противоположной стороне улицы. Ветер стих, по воздуху ползли белые клочья тумана. Раннее ноябрьское утро оказалось серым и холодным, моросил редкий дождь со снегом, а солнце, которое должно было подняться из-за дальнего леса, не появлялось. Подступы к дому, где скрывались предполагаемые убийцы банкира Лурье и его жены Ирины, были оцеплены бойцами отряда полиции особого назначения ГУВД.

Перемахнув невысокий забор со стороны дороги, вооруженные люди по одному проникли на территорию участка и заняли позиции. Командир отряда капитал Иван Соломин прятался за гаражом, по плану ровно в семь, он включит мегафон и предложит подозреваемым сдаться без сопротивления. Открыть входную дверь, лечь на пол, расставить в стороны руки и ноги. Никаких шансов уйти живыми у них нет. А дальше бойцы будут действовать по обстоятельствам. Девяткин посмотрел на часы, – ждать еще десять минут. Хотелось курить, но пока нельзя...

Осенью и зимой дачный поселок пустел, но какие-то люди все-таки здесь оставались, над одним из домов поднимался печной дымок, лениво лаяла вдалеке собака. Влажный воздух и туман глотали звуки, – рядом, за лесопосадками, железная дорога, вот идет товарняк, а стука колес и гудков локомотива, – почти не слышно.

Хорошо виден дом, занавешенный пеленой тумана, кирпичный, с двускатной железной крышей и мезонином, а на нем полукруглое окно в рост человека и балкон. Всего в паре метров от дома – гараж и навес для дров. Через низкий штакетник забора можно без труда рассмотреть все мелкие детали. Вот бочка, она наверняка полна дождевой воды, вон пара старых карликовых яблонь с кривыми стволами и ветками. Верхнее окно закрыто шторами, оба нижних окна с внутренней стороны залеплены пожелтевшими газетами.

Девяткин подумал, что и сам бы купил небольшой домик в таком вот поселке, ездил бы сюда летом, ловил рыбу и катался на велосипеде. Даже отпуск можно здесь провести, почему бы и нет. В свободное время взять и перечитать роман "Война и мир" Льва Толстого, подумать о смысле жизни и еще раз придти к тому же выводу, к которому в свое время пришел классик: мало в этом мире счастья, мало в жизни смысла, – одна пустая суета.

Неясный гул поезда стих, но появились новые звуки. Собака залаяла громче. Скрипнув, распахнулась дверь на втором этаже. Мужчина, одетый в синюю спортивную куртку, выскочил на балкон, перемахнул перила и прыгнул вниз. Его фигура на мгновение застыла в воздухе, – глухой удар, это он приземлился на крышу гаража, пробежал по ней до забора, сиганул вниз, очутился на соседней улице, – и пропал из виду.

Все произошло так быстро и неожиданно, что Девяткин успел только проводить человека взглядом, – даже с места не двинулся. Тут раздалось несколько сухих хлопков, что-то вроде детских хлопушек. Что-то загремело, послышались человеческие голоса, несколько новых хлопков. Наступила тишина, но ненадолго, вдалеке снова залаяла собака, громче и чаще. Девяткин вышел из своего укрытия, остановился, сорвал с рябины гроздь красных ягод. Пару положил в рот и раздавил зубами. Рябину, видно, уже прихватило морозом, она была сладкой, но чуть горчила.

Девяткин шел вдоль улицы, по обе стороны – заборы, асфальта нет, дорога грунтовая, неровная. За углом прямо посередине проезжей части возле лужи, схваченной льдом, носом вниз лежал рослый парень в спортивном костюме. В нескольких шагах от него стоял капитал Соломин в куртке с надписью "полиция" на груди. В опущенной руке – пистолет. Девяткин подошел ближе, присел на корточки, перевернул человека на спину, прижал к шее два пальца, – пульса не было. Девяткин выплюнул разжеванные ягоды. Лицо мужчины было перепачкано

грязью, белые ровные зубы крепко сжаты, глаза закрыты. На льду лежал какой-то иностранный пистолет.

– Хорошо стреляешь, – сказал Девяткин. – Почему ты никогда не промахиваешься?

Соломин не ответил, он поставил пистолет на предохранитель, сунул его под куртку и сказал:

– Кажется, второй еще жив.

Девяткин открыл калитку и вошел на территорию участка. С другой стороны дома возле крыльца на боку, согнув колени, лежал молодой мужчина. Он был в телогрейке и черной майке с надписью "Элвис жив". Выбегая, он забыл надеть штаны, только трусы и зимние ботинки на босу ногу. Парень получил две пули, одна раздробила ключицу и прошла навывлет, второе ранение – слепое, в живот. Он стонал и глотал воздух широко раскрытым ртом, изредка кашлял. Рядом на земле лежал охотничий нож с коротким клинком. Девяткин присел на корточки, проверил карманы раненого, – пусто. Полицейские уже ворвались в дом и сейчас переворачивали там все вверх дном. Подошел капитан Соломин.

– Я вызвал "скорую", – сказал он. – Обещали скоро приехать.

– У него не было ствола, – сказал Девяткин.

– Ножик – тоже оружие, – ответил Соломин и ушел.

С крыльца спустился полицейский из отряда специального назначения, открыл аптечку, достал марлевый тампон и антисептик, чтобы засунуть его в рану и немного успокоить кровотечение. Девяткин облокотился на перила крыльца и стал жевать ягоды рябины.

* * *

"Скорая" приехала через четверть часа, Девяткин отправился в больницу вместе с раненым. До обеда он протирал кресло в приемной хирургического отделения, дожидаясь, когда кончится операция. В два часа вышел главный врач, – это был довольно молодой мужчина, темноволосый со щегольскими усиками по имени Эльдар.

– Состояние раненого удовлетворительное, – сказал он. – Выживет, если не разовьется перитонит. Но сейчас перевозить его в Москву нельзя. И вам тут нет смысла оставаться, потому что он без сознания. Я позвоню, как только будут новости.

– Мне хотелось бы задать этому типу всего три-четыре вопроса, – ответил Девяткин. – Это очень важно.

– Еще некоторое время он будет спать. А дальше... Даже не знаю, сможет ли он что-то ответить в таком состоянии. Ну, хорошо, ждите, если есть время. Если хотите, скажу, чтобы в палате вам поставили кушетку и дали постельное белье.

– Как раз сегодня я не взял с собой пижаму, – покачал головой Девяткин. – Где-нибудь посижу, мне не привыкать.

Чтобы не терять времени, он сходил в ресторан, что неподалеку, вернулся и занял другое кресло, в отделении интенсивной терапии. Он листал свежие газеты и ждал. После обеда позвонил капитан Соломин, сказал, что оперативники перевернули весь дом, обыскали каждый угол, простучали стены, осмотрели погреб и сарай. Были найдены еще два пистолета иностранного производства с патронами, три мобильных телефона, зарегистрированных на разные имена, пять тысяч долларов сотенными купюрами и некоторая сумма рублями.

В тайнике под кроватью нашли два паспорта, судя по всему, настоящие. Один на имя Игоря Ковалева. Это тот самый парень, которого пристрелили утром. И второй паспорт – на имя раненого Геннадия Ломова. Оба парня проживали в Питере, но не постоянно, они были временно зарегистрированы по одному и тому же адресу. И еще, кажется, важная находка, – бумажка из ученической тетрадки, на ней два телефонных номера, один мобильный и один

стационарный, имен нет. Мобильный телефон дважды подчеркнут и обведен в кружок красной ручкой.

Девяткин записал номера и положил трубку, затем позвонил в Москву, в информационный центр, попросил узнать, на кого зарегистрированы телефонные номера. Оказалось, стационарный телефон – сбежавшего в неизвестном направлении Николая Айвазяна, сейчас он отключен. Мобильник принадлежит Игорю Биркусу, начальнику службы безопасности банка, совладельцем которого был покойный Лурье. Девяткин связался с лейтенантом Лебедевым и приказал срочно доставить в больницу фотографии Игоря Биркуса из полицейской картотеки.

Фото привезли под вечер, затем позвонил Лебедев: в Питере, в квартире, где были зарегистрированы предполагаемые убийцы, провели обыск, – обычная грязная дыра на окраине города, не найдено ничего, что могло бы заинтересовать следствие. Девяткин попросил у дежурной сестры несколько листов бумаги, сел в полутемной палате возле подоконника, на который поставил лампу, и уткнулся в газету. Около полуночи очнулся Геннадий Ломов, он застонал и попросил воды. Девяткин включил верхний свет, склонился над кроватью. Ломов был бледен, как простыня, на которой он лежал, но взгляд осмысленный. Девяткин придвинул стул, сел и сказал.

– Я следователь МУРа майор Девяткин.

– Значит, это вы меня...

– Гена, не будем зря тратить время. Ты ранен, ранение серьезное. Врач сказал, – если переживешь эту ночь, – наверняка выживешь. Впрочем, все в руках Бога. Но скажу по секрету: Бог сейчас, ночью, отдыхает. Ему ведь тоже иной раз отдохнуть не мешает. Поэтому здесь, в этой палате, – я вместо Бога. Мне решать: доживешь ты до рассвета или нет. Поступим так: я задам несколько вопросов и, если ты честно ответишь, – можешь считать, что второй раз родился. И жить будешь долго. Ну, согласен?

– Согласен, – прошептал Ломов, его губы растрескались, а сухой язык все время высовывался, будто он передразнивал полицейского. – Только пить дай...

Девяткин ответил, что пить нельзя ни глотка, ни грамм, и задал пять простых вопросов, записал ответы на листках бумаги, что взял у сестры, сунул самописку в руку Ломова, тот дрожащей слабой рукой чиркнул замысловатый каракуль, что-то вроде подписи. Тут на ум пришел еще один интересный вопрос, Девяткин достал фотографию Биркуса, чтобы показать Ломову, но тот вдруг задышал часто и неровно, закатил глаза и впал в забытие. Пришлось вызвать дежурного врача. Девяткин покинул больницу среди ночи, а до дома добрался только к утру, принял душ, упал на диван и заснул мгновенно, словно его подстрелили. Снилось утреннее заваруха на даче, красные ягоды рябины, сладко-горькие, снился Ломов, кое-как, на скорую руку, перевязанный окровавленными бинтами. Потом все образы куда-то пропали, сон сделался ровным и глубоким.

Он проснулся от телефонного звонка. Беспокоил Эльдар, тот самый хирург из районной больницы. Он извинился за плохие новости и сказал, что под утро у раненого развилось сильное внутреннее кровотечение, резко упало давление, дежурный врач сделал все, что полагается, но Ломов скончался, не приходя в сознание, – сердце остановилось. При пулевых ранениях в живот такое случается сплошь и рядом. Девяткин подумал, что Бог по ночам все-таки не спит, а работает, принимает важные решения, иногда эти решения, – неправильные, ошибочные. Ломову надо было пожить еще хоть неделю, он мог многое рассказать, но теперь уже ничего никому не расскажет.

Глава 11

В Москве самолет приземлился без опоздания, Джон прошел паспортный контроль, сел в такси и добрался до квартиры. Он принял душ и позвонил адвокату Олегу Моисееву. За те несколько дней его отсутствия кое-что изменилось. Свидание с братом, назначенное на четверг, перенесли на завтра, на десять утра, – хорошо, что Джон прилетел вовремя, не опоздал. Надо будет выехать пораньше, часов в пять утра. Закончив разговор, он сел у телевизора, минут пять он наблюдал, как один важный чиновник что-то говорит по бумажке, затем задремал, а когда открыл глаза было уже темно. На экране какая-то женщина, одетая в платье с блестками, пела грустную песню про луну. Джон перекусил галетами и холодным пивом, сел на диван и снова заснул, до утра.

Еще не рассвело, когда Моисеев позвонил, Джон спустился вниз и устроился на заднем сидении "Мерседеса". Рядом развалился юрист, который несмотря на ранний час много и громко говорил, стараясь выглядеть энергичным и полным оптимизма.

– Ну, рассказывай, как там Америка?

– Все так же. Чего ей сделается...

На полдороге пошел крупный снег, залеплявший лобовое стекло. Водитель, не проронивший и десятка слов, скорость не снизил, лишь поддался вперед и мертвой хваткой вцепился в руль. Моисеев, поглубже натянул меховую шапку, задремал и проснулся, когда по правой стороне потянулась кирпичная стена с нитками колючей проволоки. Остановились возле каких-то приземистых построек, окна на первом этаже светились. Здесь снег сделался еще гуще. На крыльце здания и на тротуаре в полумраке раннего утра молча стояли люди, похожие на темных призраков, в основном женщины в шерстяных платках и мешковатых пальто, облепленных снежными хлопьями.

Моисеев подхватил портфель и пропал, но скоро появился, сказал, что все в порядке, только надо подождать. В своем кожаном пальто и шапке из соболя он, покуривая, нарезал круги вокруг машины. Элегантный и модный, среди угрюмых мужиков и теток в мешковатых пальто, он выглядел существом с другой планеты. Джон стоял в сторонке и ждал. Моисеев снова пропал, прибежал обратно с пропусками.

– Двоим нельзя посещать подследственного, но я обо всем договорился, – он потер указательным пальцем о большой, будто считал деньги. – Все вопросы снял. В пропуске указано, что ты помощник адвоката.

Он схватил Джона под локоть и потащил к крыльцу. На вахте, где дежурили люди в военной форме, предъявили документы и расписались в толстом журнале. Появился еще один офицер, приказал следовать за ним и потащил бесконечным лабиринтом хорошо освещенных узких коридоров, перегороденных решетками. У каждой перегородки, перед каждой новой дверью, приходилось останавливаться и предъявлять документы дежурному офицеру. Оказались еще в одном коридоре, лейтенант остановился перед одной из дверей, обитой листами железа, с табличкой "следственный кабинет", открыл замок своим ключом.

Бетонные стены внутри покрашены зеленой краской, три жестких стула, табуретка и письменный стол. Над дверью горит лампочка, спрятанная решеткой, а вторая лампочка в железном отражателе свешивается с потолка. Офицер велел ждать и ушел.

* * *

Через полчаса два контролера в военной форме привели Томаса. Джон подумал, что брат изменился. Лицо вытянутое и бледное с всосанными щеками, спина по-стариковски сутулая.

Брат был одет в спортивный костюм, под которым толстый свитер, но все равно казался худым. Джон поднялся навстречу, они обнялись, Джон поймал себя на мысли, что едва-едва, с большим трудом сдерживает слезы. Он похлопал Томаса по спине и сказал, что ездил на родину видел маму, вытащил письмо от Перл.

Адвокат достал из портфеля папку с бумагами:

– Ты тут наслаждаешься отдыхом, а бизнес ждать не может. Босс просил расписаться вот здесь и здесь... Короче, везде, где стоят галочки.

Убрав эту порцию документов, он вытащил новую папку.

– Как мама? – спросил Том, закончив с бумагами.

– Все хорошо, – сказал Джон. – Ну, скоро сам ее увидишь, все узнаешь.

– Ты видел Луис?

– Да, конечно, – улыбнулся Джон. – Она шикарно выглядит. Будто сошла с обложки "Космополитен". Только очень расстроена, что у тебя неприятности. Она хотела все бросить или лететь сюда вместе со мной. Едва отговорил. Зачем тебе женские слезы?

Джон рассказал, что пришел в восторг от нового дома на побережье и пожил бы там хоть месяц, – тем более Луис очень настойчиво приглашала, – но надо было возвращаться. Затем он коротко обрисовал трогательную встречу с Перл и добавил, что она тоже хотела мчаться к папочке, но... Кажется, Том поверил. Хотя черт его знает. Он не простак какой-нибудь, он человек наблюдательный, мозги быстро работают. Но говорить сейчас правду, пересказывать разговор с Луис и Перл, – это выше человеческих сил.

– Я даже с приятелем Перл подружился, – улыбнулся Джон, вспоминая Дика и следы инъекций, похожие на комариные укусы, на внешней стороне его ладоней. – Чертовски приятный парень. У тебя еще будет возможность...

Он хотел сказать "набить ему морду", но сказал:

– ...тоже с ним подружиться. Вы понравитесь друг другу. Словом, дома дружная семья ждет тебя. Считает дни до встречи.

– Да уж, скорей бы. Мне тут стало надоедать.

– В камере возникли проблемы? – спросил Моисеев.

– Нет, со мной в ожидании суда сидят приличные люди, – Том улыбнулся. – Три грабителя, два убийцы, мошенник, насильник... Они тихие. Но людей слишком много. Четырнадцать лбов в одной комнате. То есть камере. Понимаешь... И все курят. Кроме меня. И некоторые больны.

– Потерпи, теперь уже недолго, – сказал Джон. – Этот дурной анекдот скоро кончится.

– Итак, к делу, – Моисеев снял очки и стал похож на вареного рака с выпученными глазами. – Защита делает упор на то, что в ресторане ты защищал женщину от пьяных субъектов. В зале играла музыка, к вашему столику подошел пьяный мужчина и пригласил даму танцевать. Когда та отказалась, стал тянуть ее за руку. Томас встал сделал мужчине внушение. Грубиян пригрозил расправой, но ушел. Затем, когда вы закончили ужин, тот самый человек подждал вас внизу, чтобы выяснить отношения... Он был пьян, рядом с вашим обидчиком, сжимая кулаки, стоял второй мужчина...

Моисеев объяснил, что следует отвечать на вопросы обвинителя и судьи. История простая и совершенно ясная. Томас не нападал, а защищался сам и защищал женщину. Он был безоружен. Он не хотел причинить противнику травмы, но лишь немного не рассчитал силы.

– Судья отпустит тебя в зале, – сказал Моисеев. – Ну, если, конечно он не полный идиот и немного знает законы. Все, наше время уже вышло. Я передал через офицера посылку. Там еда и сигареты. Раздашь их блатным из камеры. Здесь пользуются авторитетам те люди, кому приносят хорошие посылки.

Они поднялись.

– Подожди, – Джон тронул брата за плечо. – Ты в прошлый раз говорил, что отсюда можно позвонить на волю?

– Куда угодно. В любой город, в любую страну. Минута – два доллара. А денег в тюрьме нет почти ни у кого.

– Не надо никому звонить, – заволновался Моисеев. – Что вы как дети, честное слово... Нельзя нарушать режим. Иначе контролеры устроят неприятности. Томас окажется не на воле, а в тюремной больнице с переломами рук и ног.

– Я просто спросил, – Джон пожал плечами. – Нет, значит, нет. Ну, пора прощаться, братишка...

Она встали, юрист пожал руку Томаса. Украдкой Джон выудил из кармана белый скотчанный платок, будто собрался высморкаться или заплакать, – и всхлипнул. Что ж, когда показываешь фокус, внимание зрителей сосредоточено на платке или шляпе фокусника, – о свободной руке зрители забывают.

Джон одной рукой порывисто обнял брата, другой – вложив в его горячую ладонь крошечный сверток заклеенный тонкой пленкой: короткое письмо на папиросной бумаге и три стодолларовые купюры, скатанные трубочкой и согнутые вдвое. Томас отступил назад, провел ладонью по лицу, сунув письмо и деньги за щеку. Трогательная сцена. Моисеев, следивший за платком, сам чуть было не заплакал за компанию.

Когда вышли из кабинета, Джон оглянулся. Он видел длинный коридор под сводчатым старинным потолком, фигуру брата. Томас шагал, держа руки за спиной, с двух сторон люди в военной форме. Неожиданно он замедлил шаг, оглянулся, встретился взглядом с братом. Контролер толкнул Тома в спину, между лопаток.

Вышли и сели в машину, облепленную снегом. Джон думал, что вообще-то Моисеев хороший парень, настолько хороший, что даже не верится, что он адвокат. Хорошие парни не могут, не имеют права быть адвокатами. Тем не менее... Они завернули в дорогой ресторан, в старинном здании, куда обычно привозили на обед иностранных туристов. Сейчас из-за непогоды в зале не было никого. Они сидели за столом, покрытым белой скатертью, смотрели в окно. Почему-то было грустно и не хотелось говорить. Валил снег, за его завесой светилось белое поле, уходящее в бесконечность, и белая церковь под золотым куполом, похожая на горящую свечку.

Глава 12

Рабочий день сотрудников службы безопасности Московского резервного коммерческого банка начинался с короткого совещания. Информация о происшествиях, задания сотрудникам, приказы начальства, срочные объявления, разная мелочь. Но сегодня начальник отдела безопасности Игоря Биркуса не было на месте, говорят, он с раннего утра – в одном из московских филиалов банка. Там ночные грабители проникли через черный ход в служебное помещение, связали охранника и пытались попасть в подземное хранилище. Что было дальше – точно неизвестно, но деньги остались в целости, – налетчики были чем-то напуганы и в спешке ретировались. Биркус пробудет на месте до вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.